

елена гремина

михаил угаров

пьесы и тексты

/ 2

П Ы Е С Ы И Т Е К С Т Ы

Елена Гремина Михаил Юрьевич Угаров Пьесы и тексты. Том 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42341066

Пьесы и тексты Том 2: Новое литературное обозрение; Москва; 2019

ISBN 978-5-4448-1083-5

Аннотация

Елена Гремина (1956–2018) и Михаил Угаров (1956–2018) – выдающиеся деятели российского театра, идеологи движения «Новая драма», создатели и руководители первого в России негосударственного и полностью независимого театра документальной пьесы «Театр. doc», большая часть спектаклей которого создается в жанре «документального театра». Спектакли, основанные на реальных биографиях, монологах и диалогах обычных людей, невымышленных текстах и событиях, неоднократно участвовали в престижных международных фестивалях, получали профессиональные премии. Во втором томе представлена драматургия Михаила Угарова. В книгу вошли пьесы разных лет («Голуби», «Зеленые щеки апреля», «Облом-off» и др.), а также пьесы для «Театра. doc», написанные им самостоятельно и совместно с Еленой Греминой («24+», «Двое в твоём доме», «1.18» и др.).

Содержание

Пьесы и тексты Михаила Угарова	6
Голуби	6
Кухня ведьм	66
Пьеса первая. Калинка-малинка	67
Пьеса вторая. Ужин	87
Пьеса третья. Шишел-вышел	105
Правописание по гроту	131
Часть первая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Елена Гремина, Михаил Угаров

Пьесы и тексты Том 2

© Е. Гремина, М. Угаров, наследники, 2019

© И. Угаров, составление, 2019

© Е. Ковальская, К. Матвиенко, послесловие, 2019

© Новая газета / Анна Артемьева, фото на обложке

© РИА Новости / Артем Житенев, фото на обложке

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Пьесы и тексты Михаила Угарова

Голуби

Михаил Угаров

Пьеса в трех частях

Действующие лица

ВАРЛААМ, 24 лет,

монахи-книгописцы.

ФЕДОР, 19 лет,

ГРИША, крылошанин, 17 лет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ночь.

Келья в монастыре.

**На кровати, укрытый
ворохом одеял, спит ФЕДОР.**

В кресле сидит ВАРЛААМ, читает.

У кровати на полу сидит ГРИША, поет песенку.

ВАРЛААМ (*вздыхая*). Какой лист испортил!..

ГРИША. Что? Что ты говоришь?

ВАРЛААМ. Говорю – лист испортил. Ишь – перо поехало.

ГРИША. Где? Где?

ВАРЛААМ. Да вот же. *(Тычет пальцем в исписанный лист.)*

ГРИША. Дай посмотреть. *(Вскакивает, подходит к Варлааму и смотрит. Наклоняется к листу и мелко, часто-часто целует страницу.)* Голубь, голубь!

ВАРЛААМ *(колотит его по голове)*. Иди отсюда!

ГРИША *(снова садясь на пол)*. Голубь, голубь... *(Залезает на кровать к Федору и дует ему в лицо.)*

ВАРЛААМ. Отстань! Слышишь, не трогай его.

ГРИША *(печально)*. Нет. Не вернулся еще, голубь.

ВАРЛААМ. Не вороши! Потревожишь раньше времени – хуже будет.

ГРИША. Да разве ж я... Господи! Ни за что, ни за что.

Пауза.

ВАРЛААМ. Вишь ведь – рука еще с того листа не твердо шла. Как в волнении писал.

ГРИША сползает с кровати и снова идет к ВАРЛААМУ смотреть лист.

ГРИША. А вот-то, вот-то, смотри. Вишь как дернулся... Испугал его кто?

ВАРЛААМ. Кто испугал?

ГРИША. Ну, бывает. Иной раз испугаешься – так рука сама будто и прыгнет.

ВАРЛААМ. Так и есть – испугал кто. (*Грише.*) Не входил?

ГРИША. Ей-богу. Когда он переписывает, я не хожу. Рассердится. Ничем не задобрить. (*Снова мелко целует лист.*) Голубь, голубь... (*Забирается на кровать, долго и пристально смотрит в лицо Федору.*)

ВАРЛААМ. Кому сказано?

ГРИША. Я тихо. Ты сам кричишь. Потревожишь. Надо ласково. Из падучей лаской выводят. А если кто заругается – он снова туда уйдет. Ему там лучше покажется. Лаской и тихим голосом: здесь, мол, лучше – там хуже...

ВАРЛААМ. А ты почему знаешь – где лучше?

ГРИША (*привстав, изумленно*). Что ты, Варя, Бог с тобой – где лучше?!

ВАРЛААМ. Еще Варей назовешь – прибыю. Вчера – прибил?

ГРИША. Прибил.

ВАРЛААМ. Больно?

ГРИША. Больно.

ВАРЛААМ. Еще Варей назовешь, прибыю.

ГРИША. Хорошо, Варя.

ВАРЛААМ (*шипит*). Ну, хоронись!

ГРИША. Потревожишь!

ВАРЛААМ. Нет, я тихо.

ГРИША. А я закричу громко.

ВАРЛААМ. Молчи от греха!

Пауза.

С чего ты взял, что там хуже, а здесь лучше?

ГРИША. Как – с чего? В падучей-то – лучше? Вишь ведь как он выгибается каждый раз, как будто кто мучает его... Так и тыркают его там в бока да в спину – а нам не видно. Кровь ртом шла в прошлый раз...

ВАРЛААМ. Язык прикусил. Вот и шла.

ГРИША (*привстав*). Бог с тобою, Варлаам, зачем ты так говоришь? Я давно за тобой смотрю и жалости в тебе не вижу.

ВАРЛААМ. Вот муха раззуделась.

ГРИША. А жалости в тебе нет.

ВАРЛААМ. В тебе зато есть.

ГРИША. Во мне зато есть. (*Ложится.*)

ВАРЛААМ читает и перечитывает исписанный лист. На пол падает бумажка, что лежала между листами. ВАРЛААМ поднимает ее.

ВАРЛААМ (*читает*). «Господи, помоги рабу твоему Федору, сыну Богданову. Рука ему крепка. Око ему светло. Ум ему острочен. Писать ему золотом...» Глупости!.. Кому все

дано, тот еще просит...

ГРИША (*приподнимаясь*). А знаешь, ты худого не говори. Он все слышит.

ВАРЛААМ. Как – слышит?

ГРИША. Хоть и спит, а слышит. Если кто худое скажет, он на себя подумает. Я так раз сказал, а он подумал, что он сказал. В прошлый раз вот так же с Алексеем сидели, а он лежал. Я Алешке рассказывал, как подошел ко мне ночью черный вплотную. Приступил прямо к лицу. Я даже, что изо рта у него воняет, понял.

ВАРЛААМ. Ну?

ГРИША. Ну и через день-два Федор мне говорит: знаешь, говорит, нынче ко мне черный приступил так близко, что изо рта у него пахло. Да смалодушничал вдруг и пропал. Я ему говорю: мне был такой грех! А он рассердился: мне, говорит, а не тебе! Стали мы спорить... Ну да с ним долго не поспоришь, за волосы взял да об колено. А я, хоть и обида взяла, все равно говорю, что мне, а не ему. Тут он плюнул да и ушел. А потом приходит и говорит, что у того, мол, черного, глаз был вытечен. У твоего, говорит, глаз вытечен? А у моего, говорит, вытечен, так что вот. За волосы простить просил, раз у его черного глаз вытечен, а у моего – нет...

А я думал-думал, да и догадался. Я Алешку взял и говорю: вот, говорю, Алешка, а вот, говорю, мой ему рассказ. Уж если б ты видел, как ему тогда неприятно стало... Враз лицом почернел. Не говори, говорит, в другой раз, а то нагово-

ришь, а я на себя приму. И за волос еще раз дернул.

ВАРЛААМ. А может, ему другой приходил? Только у того глаз был вытечен.

ГРИША. Ну?

ВАРЛААМ. Может, он про своего рассказывал?

ГРИША. Нет, про моего.

ВАРЛААМ. А глаз?

ГРИША. А что – глаз? Ну тебя к черту с глазом твоим вместе.

ВАРЛААМ. Да что же ты – кого вспоминать решил?!

ГРИША. А не выводил меня, вот я и молчать буду! (*Леги закрылся одеялом с головой.*)

Молчание.

ВАРЛААМ (*читает, потом сидит некоторое время задумавшись*). Рука... Вот оно, что рука значит! Да, легка рука! Легкая рука... Большое дело. Легкая рука головы стоит. Ведь как легкой-то рукой описывает... У всех рука суше будет, а у этого...

Под одеялом – тихая возня.

Гриша! Потревожишь еще! Слышишь?

**Все стихло. ВАРЛААМ успокаивается.
Из-под одеяла зарычала собака, потом
приглушенно тявкнула. Глухо лает.**

(Шепит.) Кому говорю?!

**Собака рычит. Возня. Крик.
С кровати скатывается ГРИША.**

ГРИША. Укусил! Укусил по правде, гад. Игратья играй,
а по правде-то зачем? *(Плачет.)*

ФЕДОР *(скидывает одеяло)*. Что вы, черти, спать не дае-
те?!

ВАРЛААМ *(шепчет)*. Что ты орешь? Да еще кого поми-
наешь?!

ГРИША *(плача)*. Ты, Федька... ты... соба-ака!

ФЕДОР *(грозно)*. Вы мне что спать не даете?! Ведь только
заснул, только разоспался. *(Пинает Гришу.)* Прочь пошел!
Не скули!

ГРИША *(плача)*. Соба-ака...

ФЕДОР *(наклоняется и из-под кровати достает бутылочку; Грише)*. Молчи, а то не дам.

ГРИША замолкает.

ВАРЛААМ. Ну что ты, Федор... Ну что с тобой делать станешь, а?

ФЕДОР. Со мной? Со мной – много чего. С тобой уж ничего не сделаешь, а со мной...

Вскакивает с кровати, подхватывает с полу ГРИШУ и кладет его на постель, укрывает. Подносит ему бутылочку – тот пьет.

ГРИША. Ах ты господи, хорошо-то как...

ФЕДОР (*прыгает на постель*). Давай полюбимся?

Целует его в губы. ГРИША отбивается, мычит.

Чего не так?

ГРИША. Ты зачем мне язык в рот пихаешь? Зачем? Это уж пакость, знаешь...

ФЕДОР. Так надо.

ГРИША. А зачем укусил? Больной-больной, а взял и укусил!

ФЕДОР. Врешь. Не кусал я тебя.

ГРИША. В живот укусил.

ФЕДОР. Покажи.

ГРИША. Стану я тебе показывать...

ФЕДОР задирает на нем рясу.

ВАРЛААМ. Брось, Федор, а то уйду я... Возитесь тут сколько вам влезет, а я не охотник.

ФЕДОР. Уж будто бы?

ВАРЛААМ. Будто.

ФЕДОР (*смеется*). Не уходи.

ГРИША. Прокусил, поди...

ФЕДОР. Ах ты голубь мой!

ВАРЛААМ. Уйти – нет?

ФЕДОР. Поиграться уж будто нельзя.

ГРИША. Вот заладил: уйду да уйду. Уходи.

ВАРЛААМ. Я тебя, Гришка, прибью. Я на словах только обещал, а сейчас на деле прибью.

ФЕДОР. Не расходись. В последний раз поцелую, и все.

ГРИША. Только, чур, язык не пихать. У меня свой есть.

ВАРЛААМ. Федь, дай-ка мне бутыль.

ФЕДОР тут же соскочил и подал.

ФЕДОР (*с интересом*). Пить будешь?

ВАРЛААМ. Чуть буду.

ФЕДОР. Пей.

ВАРЛААМ выпивает.

ГРИША (*лежа*). Голубь, голубь...

ФЕДОР. Отвяжись!

ГРИША. Вот и сердится уже...

ФЕДОР. Замолчи, говорю. (*Варлааму.*) Еще?

ВАРЛААМ. Еще.

ФЕДОР присвистнул.

Тихо! Недавно лежал, а тут разошелся...

ФЕДОР. Да и ты недавно орал, когда я пил. А тут и сам прикладывается.

ГРИША. Все-то не пейте. Пьяными сделаетесь.

ФЕДОР. А чем худо?

ГРИША. Пьяный зарезать может.

ФЕДОР. Один зарезал Димитрия-царевича, а не пил...

Тишина.

Да что вы, ребята, примолкли?..

Молчат.

А? Чего всполошились?

ГРИША. Ну ты, Федька... Боюсь я тебя...

ВАРЛААМ. Ты не пей, Федор, больше.

ФЕДОР. А то пьяным сделаюсь?

Молчат.

И зарежу?

ВАРЛААМ и ГРИША (*вместе*). Федька-а! Угомонись, собака!

ФЕДОР вздыхает. Садится на кровать.

ФЕДОР (*Грише*). До чего же ты хорошенький.

ГРИША. А я в маменьку.

ФЕДОР. То я и гляжу.

ГРИША. А маменька еще лучше была.

ФЕДОР. А ласки любишь?

ГРИША. Люблю... Только стыдно потом.

ФЕДОР. А вот и дурак! Не интересно – когда не стыдно.
(*Помолчав.*) А я вот какой уродился...

ГРИША. Да какой?

ФЕДОР. Некрасив.

ВАРЛААМ. Тебе красота-то для чего?

ФЕДОР. Так.

ВАРЛААМ. Ну и глупо.

ФЕДОР. Что нехорош – тоже не умно.

ГРИША. Голубь, голубь...

ВАРЛААМ (*замер*). О-о! Дошло...

ФЕДОР (*с интересом*). Ну? Не врешь?

ВАРЛААМ (*прикрыв глаза рукой*). Погоди.

ГРИША. Хорошо?

ВАРЛААМ. Да погодите вы! Во: поплыло все...

ФЕДОР (*Грише шепчет*). Погоди, самое приятное на него пошло. Не сбей!

ВАРЛААМ (*с закрытыми глазами*). Э-эх!

ФЕДОР (*тихо смеется*). Держи, держи. Не пушай.

ГРИША. Кабы удержать-то...

ВАРЛААМ. Ммм!.. Хорошо-о!

ГРИША (*наклоняется к Федору, тихо*). Федя, а в паду-чей – нехорошо?

ФЕДОР (*хватает Гришу за волосы, таскает*). Хорошо. Хорошо. Хорошо.

ГРИША плачет.

ВАРЛААМ (*открыв глаза*). Ну что вы, черти! (*Пугает-ся*.) Ой! (*Махнув рукой*.) Ну, черти полосатые!..

Пауза. ГРИША перестает плакать.

ФЕДОР (*замер, шепотом*). Как-как?

ГРИША (*приподнимаясь*). Чего он, Федя, сказал?

ФЕДОР (*задыхаясь от хохота*). Скажи еще раз! Черти...

по... по... (*Хохочет.*)

ГРИША хватает подушку и затыкает ею рот **ФЕДОРУ**. Оба валятся на постель и, уткнувшись в подушку, хохочут. **ВАРЛААМ** захохотал вдруг страшно, громоподобно.

Зажал рот. Побежал к кровати, упал на нее, уткнулся в одеяло и затрясся.

ГРИША (*вытирая слезы*). Прости нас, Боженька...

ФЕДОР (*со стоном*). Так и до смерти недалеко...

Лежат, обессиленные, на кровати. ВАРЛААМ осторожно берет руку ФЕДОРА, поднимает ее над своим лицом. Рука у ФЕДОРА расслаблена, она висит как плеть. ВАРЛААМ, то приближая, то отдаляя от лица расслабленную кисть, внимательно разглядывает ее.

(Тихо.) Чего?

ВАРЛААМ. Красиво... Вот смотри ж ты... у меня пальцы короткие... Не такие. У тебя как перья птичьи... Белые.

ГРИША *(приподнимаясь)*. Как у девушки?

ВАРЛААМ. Да ну ты... У девушки пухлые. Не такие. Эта лучше. И сильная вроде, а смотри ж ты, – как тонко сделала...

**Помолчал. Положил кисть
ФЕДОРА себе на лицо.**

(Губами, которым мешает лежащая рука, шепчет.)
У Господа нашего такие руки были...

ГРИША *(сел на кровати)*. Где-где? Покажи!

**ФЕДОР молчит. Рука его лежит на лице
ВАРЛААМА. Потом он взял и сгреб
в горсть ВАРЛААМОВО лицо. Смеется.**

Как у тебя, Варлаам, смелости хватит так говорить, прямо
я не знаю...

**ВАРЛААМ отнимает руку ФЕДОРА.
Кисть снова расслабленно повисла.
Тогда он подносит ее к губам и целует.**

Пауза. ФЕДОР убирает руку.

ФЕДОР (*тихо*). Эка новость. Уж мы-то с тобой любиться
не будем. Так что нечего и ухаживать.

ВАРЛААМ. Дурак.

Встает с кровати.

ГРИША. Ну вот, Варлаам, вина выпил и тоску на нас на-
вел. То-то весело было, а ты...

ФЕДОР лежит неподвижно и смотрит
в потолок. Тело его сводит судорога.

**Вдруг он выгнулся и застыл. Уперся
затылком в подушку, а ногами в спинку
кровати. ГРИША со страхом следит за ним.**

(Шепчет.) Варлаамка! Началось!

ВАРЛААМ подходит. Но тут тело
ФЕДОРА ослабевает и падает.
Рука сваливается с кровати.

ВАРЛААМ. Фу ты. черт! Не умер ли...

Прислушивается.

Спит.

ГРИША. Голубь, голубь...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Некоторое время спустя.

ФЕДОР спит.

ВАРЛААМ читает.

ГРИША лежит возле ФЕДОРА.

ВАРЛААМ. О, Господи! Еще. Еще словцо пропущено. Ай да Федор-писец! Вот вам и легка рука. Ну, сейчас видно, рука пишет, а ум далеко... Спасибо, рука у него умная, а то...

ГРИША. Варлаам, тебе скучно бывает?

ВАРЛААМ молчит.

Кто бы меня так спросил: есть ли хоть, мол, минутка, Григорий, когда тебе не скучно?.. Вот я бы и ответил...

ВАРЛААМ. Отвяжись.

ГРИША. Да от скуки и спросил. Нужен мне твой дурацкий ответ...

ВАРЛААМ. Отверни рожу да спи.

ГРИША. Чего это я рожей вертеть буду?

ВАРЛААМ. Фу ты... Вот навязался. Спи, говорю.

ГРИША. Вот и сплю. *(Лег.)*

Пауза.

(Шепотом.) Нынче и волки друг друга едят... Никогда такого не было. Вот только вдруг стали они друг дружку есть.

ВАРЛААМ молчит.

А по городу черные лисицы бегали. Поймали одну. Ничего – лисица как лисица. Один убил ее, а она и умерла. Лисица и была, не кто-нибудь. Вот скука-то...

ВАРЛААМ молчит.

А чего ты молчишь? Ты не молчи, а то мне страшно делается. Скажи – «ну».

ВАРЛААМ. Ну.

ГРИША. Вот. А баба уroda родила?

ВАРЛААМ. Вот невидаль...

ГРИША. Да, видишь... К ней стал муж по ночам ходить. А муж-то тот давно умер. Приступил он к ней ночью. И родила.

ВАРЛААМ. Как это – приступил, если – умер? Бестелесность.

ГРИША. Она тоже думала – бестелесность одна, ну его! А уж и поздно было. И повело ее, повело, да так повело, что *втридни* родила!

ВАРЛААМ. В три дня?

ГРИША. Да что с тобой говорить... Родила, да глянула – рожа с черным пятном вместо глаз да рта, как раз посередине! Она его – ну кипятком! Ну палкой! Не дается. Нож принесла и приступила она его резать. А он плачет да никак в руки не дается. Скачет по дому, и все тут. Тут уж пришлось икону вынести – вот его и пробрало. Стух на глазах прямо. Варлаам, а, Варлаам, а поговори теперь ты со мной. Очень мне нехорошо делается, когда все я да я говорю. Поговорил бы.

ВАРЛААМ. Поговорил бы...

ГРИША. Вот и поговори. Только ни об чем поговори, а то мне скучно становится.

ВАРЛААМ (*смеется*). Вот какой ты глупый – сам уж видишь...

ГРИША. Да я с добром к тебе.

ВАРЛААМ выпивает.

Пьяным сделаешься. И... (*Испугался. Замолчал. Смотрит на Федора.*) Вот какой он...

ВАРЛААМ. Чем он тебе страшен?

ГРИША. Сам он мне весь ничем не страшен.

ВАРЛААМ. Так что же?

ГРИША. Да вот глаза. На первый – они у него разные: другой глаз меньше. На второй – веки повисли. И жилка голубая в углу, от носа бежит. Нехорошо смотрит.

ФЕДОР стонет во сне.

ВАРЛААМ. Потревожили. Молчи теперь.

Молчат.

ФЕДОР просыпается. Садится на кровать.

ГРИША (*ласково*). Разбудили мы тебя?..

ФЕДОР хватает его за ворот и со злобой сбрасывает с кровати.

ФЕДОР (*шипит*). Еще на постелю влез...

ВАРЛААМ. Да ты еще поспи!..

ФЕДОР. Да уж наспался. (*Грише.*) Сапоги! Еще на постелю влез!

ГРИША кидается в угол и несет оттуда сапоги. **ФЕДОР** подставил было ногу. Вырвал сапог и ударил голенищем по лицу **ГРИШУ**.

Не видишь, что рвань? А что несешь?

ГРИША (*быстро*). Да он давно, голубь, прорван, что ты?..

ФЕДОР. Глаз выткну – еще голубя скажешь! Ну! (*Подставляет ногу.*)

ГРИША натягивает сапог.

(*Бормочет.*) Голубь... Нашел себе голубя... Еще на постелю влез...

ГРИША надел ему один сапог. Взялся за другой.

ГРИША. Смотри-ка, Варлаамушка, нога-то у него как хороша! Куда девушке...

ФЕДОР ткнул его босой пяткой в лицо,
упал на постель и зарыдал в голос.

ВАРЛААМ (*подсел на постель к Федору*). Чего ревешь?
Что, голубем тебя утешать, что ли?

ФЕДОР (*глухо*). В жопу иди!

ВАРЛААМ. Щенок какой... Ишь что говорит...

ФЕДОР плачет.

Ну, парень, мудрен ты не по мне. Шут с тобой...

ФЕДОР плачет.

Сейчас водой стану брызгать, как девушку!

ФЕДОР замолк.

Лопнешь – надулся-то как!

ФЕДОР хохотнул.

ГРИША (*робко*). Ты, Федя, напейся, если так. Мы тебе все отдадим.

ФЕДОР (*резко сел*). А давайте!

ГРИША подает ему бутыль.

ФЕДОР скривил лицо. Брызнули слезы.

Кабы знал, так сделал что-нибудь! Да что?! Как тут угадаешь? Начнешь что невпопад – еще хуже сделаешь. (*Всхлипывает.*) Юродивых боюсь, а то бы – честное слово! – хоть у них спросил...

ГРИША. Да что ты, Федя?!

ФЕДОР (*Грише*). Дай ты мне в рожу сапогом, да прости только!..

ГРИША (*заревел*). Федя-я!..

ВАРЛААМ. Да вы меня, ребята, утопите...

ФЕДОР (*всхлипывая*). Злой, злой... Да что ж к тебе моя злость, когда я... (*Затыкает себе рот рукой.*)

ГРИША. Говори.

ФЕДОР. Нет! Нипочем! Кончайте меня здесь, а не скажу!

ВАРЛААМ. Говори.

ФЕДОР. Да что тут говорить – как я ребенка малого – забил?! И палкою его! И кипятком! Много ли ему надо? Вмиг и уходили мы его... (*Шепчет.*) С девкою одною. Был грех...

Пауза.

ВАРЛААМ идет к ГРИШЕ, берет его за ворот и со злобой трясет.

ВАРЛААМ. Хорошо ль тебе, брат?! Я ведь и лучше могу!..

ФЕДОР (*плача*). Оставь его!

**ГРИША молчит. ВАРЛААМ бросил его.
Сел к ФЕДОРУ, обнял его за плечи.**

ВАРЛААМ. Федя... А ведь и я убил.

ГРИША вздрагивает.

ФЕДОР (*задрожав*). Вруша!

ВАРЛААМ. И на мне грех этот есть. А больше – ни слова.

А вы кому скажете, оба...

ГРИША. Варлаамушка, ты нарочно сказал или как? Ну, Федор – ладно, это – конечно, это – я ничего, молчу... Или вправду?!

ВАРЛААМ. Вправду. (*Помолчав.*) Смотрите мне оба...

Пауза.

ФЕДОР. Да ты же... ты же... Брат! Ей-богу!

ВАРЛААМ (*обрывая его*). Что не целуешь?

ГРИША. Дайте мне, ребята, вина Христа ради! А то мне боязно с вами. (*Пьет.*)

ФЕДОР (*обнимая Варлаама*). Ты не думай ничего, брат. Мне, видишь, и самому легче стало, как сказал. А уж так подпирало, уж так пекло меня... А сказал... как и не было!

ГРИША (*с жаром*). И не было! Не было! Винюсь я, при-
бей, Федя!

ВАРЛААМ. Молчи!

ГРИША замер.

Что утешаешь, как бабка? Сказано – сделано.

ГРИША. Дай мне, Федя, еще вина, а то я Варлаамку боюсь... Да есть ли у тебя еще? Не одна ли она?!

ФЕДОР. Ползи под кровать.

ГРИША ползет.

Не одна?

ГРИША (*из-под кровати*). Слава Богу.

Пауза.

ФЕДОР. Вот ты мне, Варлаамка, руку целовал... Дай мне свою.

ВАРЛААМ. Не дам.

ФЕДОР. А тебе стыдно будет: ты мне руку целовал, а я тебе – нет. Вот завтра, как встретишь меня, так тебе стыдно и станет. А я нарочно еще смотреть на тебя буду.

ВАРЛААМ молчит.

ФЕДОР берет расслабленную руку его и целует.

А стыдно... Фу! Наперед бы знал, ни за что не стал бы...
(Смеется.)

ВАРЛААМ молчит.

Иди-ка ты отсюда, милый друг.

ВАРЛААМ (*испуганно*). А чего?

ФЕДОР. А ничего. Уходи, и все.

ВАРЛААМ. Не пойду.

ФЕДОР. А я говорю – уходи. И весь мой сказ.

ВАРЛААМ. Да объясни ты толком. Чего зашелся?

ФЕДОР. А ничего.

ВАРЛААМ. А если не пойду?

ФЕДОР надменно молчит. Ждет.

А если не пойду?

ФЕДОР. Пойдешь.

ВАРЛААМ (*усмехаясь*). Ну, стронь.

**ФЕДОР молчит. ВАРЛААМ
ложится на постель, посмеивается.**

ФЕДОР (*шепчет*). Господом нашим прошу, уйди. У меня ножик в постеле есть... Уйди, ты ведь добрый.

ВАРЛААМ (*спокойно*). Нет.

ФЕДОР (*помолчав*). И не надо.

ВАРЛААМ. Смотри, если о ноже думаешь... Так руку выкручу – висеть будет.

ФЕДОР молчит.

Скажи ты мне ради Бога: зачем ты меня гнал? Как скажешь, так и уйду. Честное слово.

ФЕДОР. Мне хотелось за переписку сесть. Пописать охота – рука разнылась. Честное слово, больше ничего.

Молчание.

ВАРЛААМ (*вставая*). Ладно. Я пойду.

ФЕДОР. Да мне расхотелось. Сбил ты все, а так охота было! А теперь – что же? Теперь уж я тебя не пущу.

ВАРЛААМ (*смеясь*). Непустишь?

ФЕДОР. Не пущу.

ВАРЛААМ. Ножом резать станешь?

ФЕДОР (*подумав*). Стану.

ВАРЛААМ (*садится*). Это хорошо.

ФЕДОР. Разговори ты меня, брат. Скучно мне.

ВАРЛААМ. А что? И разговорю, если хочешь.

ФЕДОР. Вот и разговори.

ВАРЛААМ. Вот и разговорю.

Пауза. ВАРЛААМ перебирает листы.

ФЕДОР. Не вороши ты их. Они все по месту лежат.

ВАРЛААМ. Да я уж смотрел их...

ФЕДОР (*оживившись*). Хороша рука?

ВАРЛААМ. Да.

ФЕДОР. Другие цокают. Изумляются.

ВАРЛААМ. А я тебе зачем руку целовал?

ФЕДОР. А я догадался. Да назло тебе и вернул. Прости меня.

ВАРЛААМ. Нашло на меня – и поцеловал. Может, и зря.

ФЕДОР (*смеясь*). Жалей теперь... Не вернешь.

ВАРЛААМ. Жалею.

Пауза.

ФЕДОР. А чего пожалел?

ВАРЛААМ. Да так.

ФЕДОР. Нет уж, говори, раз начал.

ВАРЛААМ. Да что говорить-то... Видел я, что ты выщелкиваешься – руку целуешь. Да, коряв! В переписке могу накорявить, но исказить не стану! Всегда, зачиная, пишу так. «Книгу сию писал раб Божий Варлаам, и вы, Бога ради, книгу сию чтите со вниманием в сердце своем, и где-либо прописал внезапну и вы сами исправливайте, а меня многогрешного не кляните...»

ФЕДОР. Ну. Говори.

ВАРЛААМ. И скажу! Вот, смотри, Федор, вот! (*Тычет пальцем в лист.*) Раз, два, три, четыре, пять! Пять раз прописался. Слово опустил. А слово, оно – значит!.. После тебя другой такой скорый прописывать начнет... Так вы все и спустите! А ведь это не одним годом собрано, сам знаешь, каким усердием. Ты уж лучше откажись: не могу, мол, волнение нашло, пишите, братья, сами. Все поймут, и никто не осудит. Не дело это, Федор, не дело... У тебя всяк учиться рад, тебе впору хоть и золотом писать, да не прописывай только! Не сердишься на меня?

ФЕДОР молчит.

Рассердился! Ну да хоть и так. Посердись. Лишь бы толк взял.

ФЕДОР. Подай-ка сюда вон хоть тот лист.

ВАРЛААМ подает.

(Бегло просматривает его. Тычет пальцем в лист.) Так.

Так. Так. Вот. И вот.

ВАРЛААМ. Что это, не пойму.

ФЕДОР. Погляди.

ВАРЛААМ *(внимательно смотрит в лист)*. Эка! Да в уме ли ты, Федя?! Что это?!

ФЕДОР. Вот ты говорил – прописываю, мол. Есть такое. А есть – и подписываю.

ВАРЛААМ. Как это? Да что же это?! Да ты же... ты же... злодей!

ФЕДОР. Как это?

ВАРЛААМ. «По Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению!» Слышишь ли ты?! По Божьему!!.

ФЕДОР. Да ты запой еще!

ВАРЛААМ. Да что же это ты надписал: «...должно быть»? Зачем ты это подписал, дурак?

ФЕДОР. Не поверил.

ВАРЛААМ изумленно молчит.

Видишь, сомнение меня тут взяло... Врут, поди. Ну

и вставил.

ВАРЛААМ. Да кто ты таков есть?!

ФЕДОР. Ты, брат, дело спрашивай.

ВАРЛААМ. А по рукам тебе не били, поганец?!

ФЕДОР (*усмехаясь*). Не били...

ВАРЛААМ. Молчи! ...Как смог?

ФЕДОР. Моя воля. Что хочу – то и делаю.

ВАРЛААМ. Да знаешь ли ты, над кем вольничал?

ФЕДОР. Как не знать. То-то весело!

ВАРЛААМ. Ты – червь. А он – царь!

ФЕДОР. А воля-то – моя. Ты, брат, соврал сейчас. Сам понял, что соврал. Вот тут-то уж (*тычет пальцем в лист*) – тут-то он – червь! А я – царь. Моя власть. Несть власти, аще не от Бога! Всяка душа влаstem предержащим да повинуется!..

...Я вот если разойдусь душой... да возьму и напишу, что он... со скотом жил! Козу как бабу драл да прихваливал! Что он мне сделает? Всей власти царской не хватит – простую бумажку выправить! А кто прочитает – рухнет в уме у того и Казань его, и Астрахань, и Сибирь! Я их разрушил! Я – царь. (*Смеется.*) А он – говно печеное...

Молчание.

ВАРЛААМ (*тихо*). Тебе, Федька, Бог за это руку отсушит...

ФЕДОР. Так есть за что, не жалко! А я мальчонку возьму и ему писать велю!

ВАРЛААМ. ...язык отпадет!

ФЕДОР. А мальчонка уж знать будет, что писать. А я кивать ему стану: так, мол, так!.. А помру – мальчонка есть. Я ему до того ум-то выправлю. Ага, еще бы! Кому не охота царем стать?! Он уж как нанюхается воли – не удержишь!..

...Вот сидит себе такой... мышонок... худенький... Сидит он в комнатешке плохонькой. Ножку под зад подвернул... А сам... А сам... Над людьми царствует! Припишет тебе, что умер, мол, двадцати лет от роду. Да ты хоть заживись до двуста лет – без тебя дело решено!

...А вдруг вздумается ему, – скучно ему вдруг сделается, – так он возьмет да и всех их на войне сразит! Либо земли под воду опустит!.. (*Подумав.*) Ведь так только Бог, если рассудит, то поступать волен...

Молчание.

ВАРЛААМ. А если ты царь... Если так... То знаешь ли ты, что ты – тиран! Тиран! И творишь ты произвол над душами и всяческое преступление! (*Помолчав.*) Тебя Бог осудит...

ФЕДОР. Вот невидаль! Тиран... Бумажку исчиркал – эка! – караул кричи!

Из-под кровати вылезает ГРИША, он пьян.

ГРИША. А что это, брат, твой мальчонка все такой злой будет? Зачем? Тиранить нехорошо! Можно и добром править. Вот, к примеру, – голод большой нападет. Писать, что амбары от хлеба, мол, – ломились! Нищих – Христа ради уламывали хлеба забрать с глаз долой!.. (*Тихо.*) Э-э!.. Вот ведь как можно! Я сразу-то и не додумался! Можно сделать такое государство, где одно добро и будет! Всем все поровну – пусть все смеются и поют. Все задружились и помирать не хотят...

ФЕДОР хохочет.

ВАРЛААМ. Так нельзя.

ГРИША. Почему? Уж сразу и нельзя...

ВАРЛААМ. Надо – как было, так все и писать.

ГРИША. А как было? Кто ж помнит?

ВАРЛААМ. Тогда... Как должно было быть!

ГРИША. Вот канитель!.. Да кто ж знает?..

ВАРЛААМ. Потому – нельзя сразу: вчера стряслось, а ты уж – с пером! По времени должно строго отстоять! Как время пройдет. Как видать все станет. Тогда только!..

ФЕДОР (*вскинулся*). Мне-то что делать, когда время

идет?!

ГРИША. Да в уме ли ты? Рыло тупое, рыло и есть! Кто ж сам от престола отказываться станет?!

ВАРЛААМ. Да вы что?! Так ведь каждый переписчик престолом забредит. Комнатешка плохонькая, да и за нее спасибо!.. Нет, брат, я думаю, и поумнее тебя люди найдутся. Они так сделают, как ты и не думаешь. Поленицу дров тебе велят сложить – ты и клади! Что скажут – то и пиши! Пропись сделаешь – розги! А подпишешь чего... (*Помолчав.*) Голову напрочь! Да присмотр приставить! Приказная чтоб была – такими делами ведать! Вот это, я думаю, – по уму и будет.

ГРИША (*вскакивая*). Да ты что?! А как же... Вот он (*тычет пальцем в лист*), он разве не тираном был?! Скажи как на духу!

ВАРЛААМ. Ну? Ну хоть и был, а что?

ГРИША. Так что – хвалить, что ли? Неправда это!

ВАРЛААМ. Что? А молчи – вот что.

ГРИША. И что?

ВАРЛААМ. И то. Пусть другие хвалят, а ты – молчи! Вот умный человек заметил это и засомневался. Внуки засомневаются, а правнуки, глядишь, – и в голос скажут...

ФЕДОР. Ну, нет, не стану я ждать! Врешь ты все, скотина! Я вот все думал: чего ты все против мне говоришь... Может, думаю, он спорит для того только, чтобы мне тверже в своем сделаться?! А вижу – нет! Не для этого.

ВАРЛААМ. А что?

ФЕДОР. Ты, брат, умен, да я догадался!

ВАРЛААМ. Что?

ФЕДОР (*горячится*). А что?.. Что?.. Для чего тебе приказная изба понадобилась?.. (*Взял себя в руки, спокойно.*) У тебя рука корявая. А у меня – легкая. У тебя – хамская. А у меня – царская.

ВАРЛААМ молчит.

(*Кричит.*) Не говори! Я знаю, что так. Ты скотина и знай, что я – царь!

ГРИША. А я еще и наперед скажу: прав Федька! – народится племя царей, а не работного люда, – пленницы класть!!

ФЕДОР. Государь я по Божьему изволению!..

Молчание.

ФЕДОР ложится на постель лицом вниз.

ГРИША. Федя, что ты?!

ФЕДОР молчит.

ВАРЛААМ. Государь...

ГРИША. Ой, Варлаамка... Ей-богу, ему сейчас худо будет!..

ФЕДОР молчит.

ВАРЛААМ. Сунь ему тряпку в рот, чтоб языка не прикусил!

ГРИША. Голубь, голубь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Близко к утру.

ФЕДОР лежит на кровати.

В кресле сидит ВАРЛААМ
в глубоком молчании.

ГРИША (*подперев щеку*). А как же ты убил?..

ВАРЛААМ не отвечает.

Спасибо, не слышал никто. Докажи потом, говори разговоры. Кто поверит? Что сказано – то уж правда.

ВАРЛААМ (*шепчет*). Правда...

ГРИША. Рожа у тебя разбойничья. Всяк поверит.

ВАРЛААМ (*шепчет*). Правда. Убил...

ГРИША (*помолчав*). Не трогай ты меня, Варлаамушка. Дай ты мне только выйти. Я мышкой проскочу, уж Бога ра-

ди, позволь...

Тихо пробирается к двери.

ВАРЛААМ. Стой.

ГРИША. Да я ведь худа еще никому не делал, может, потом сделаю.

ВАРЛААМ. Эх, дурак...

ГРИША. Глуп. А тебе зла никакого не сделал...

ВАРЛААМ. Сядь. Не бойся.

ГРИША. Я сяду. Только не смотри ты на меня, ладно? За Федьку боюсь, не за себя, – вдруг вскрикну...

ВАРЛААМ. Ты спроси меня – я тебе и откроюсь. Ты чист, и тебе не пристанет...

ГРИША молчит.

Да что же ты тянешь, злодей?

ГРИША. Господи... Что же спрашивать-то... о чем? Не знаю, как и приступить...

ВАРЛААМ. А ты приступи, приступи. Добро сделаешь.

ГРИША. Я только с мыслями соберусь. Никак не пойму: откуда начать?..

ВАРЛААМ. Не бери, Гришка, греха на душу, спрашивай!

ГРИША. Не могу! Не могу я, вот!

ВАРЛААМ (*с угрозой*). Ну, парень...

ГРИША. Да? Начну я тебя спрашивать – как да чего... Да Федор! Федор-то! Забыл? А что из этого выйдет, ты уж сам знаешь... Не враг же ты...

ВАРЛААМ молчит.

Давай лучше с тобой о временах разговаривать. Что когда было, с кем да как... Вот, к примеру, – Борис Федорович Годунов. Верно ли, что он... ну, это... сам знаешь...

ВАРЛААМ. Что?

ГРИША (*показывает малый рост царевича, а потом проводит ладонью по горлу; тут же мелко крестится*). Ага?

ВАРЛААМ. Убил, что ли?

ГРИША (*пугается; снова показывает рост и, ведя ладонью по шее, кричит*). Да ты что?! Не в уме сделался?!

ВАРЛААМ. А хоть бы и так. Тебе-то – что? Он – царь! А ты судишь.

ГРИША. Все знают – ножичком игрался, убил сам себя! Что ты, что ты, у-у, разбойник! (*Подмигивает.*) Ага?

ВАРЛААМ кивает ему.

(*Напуган.*) Что же будет теперь?!

ВАРЛААМ (*пожимая плечами*). Давно было. А ничего не

сталось. И теперь не будет. Видно, это государству в пользу зачлось.

ГРИША (*вздыхая*). Как это люди не боятся ничего?

ВАРЛААМ. Стой, Гришка!

ГРИША (*испуганно*). Чего?

ВАРЛААМ. Некуда тебе деться? Спрашивай. А я тебе вот так же отвечать стану.

ГРИША. Ай! Не неволь ты меня! Зачем мне знать? Кабы не знать ничего!

ВАРЛААМ. Ну!

ГРИША (*огрызаясь*). Не торопи. Ишь какой... Вот не захочу – не спрошу. Что сделаешь? Еще греха брать не будешь... Ладно, ладно, это я так. (*Тоскливо.*) С чего бы это... Ну, значит... (*Думает.*) СЛУЧИЛОСЬ?

ВАРЛААМ. Случилось.

ГРИША (*крестясь*). Ведь заставил, злодей, заставил... А как, Варлаамка, случилось?

ВАРЛААМ пожимает плечами.

Потом показывает ему что-то, какие-то жесты делает.

Не води руками! И так в голове все помутилось тебя ра-

ди. А будешь, брат, руками водить – откажусь от рассудка!
Я иначе начну, а? Вот, к примеру, скажем так: КТО?

ВАРЛААМ тычет пальцем в себя.

Знаю, мучитель, что ты! Не я же. КОГО?

ВАРЛААМ показывает.

Дядька?

ВАРЛААМ кивает.

Молодой ли?

ВАРЛААМ показывает.

Старый... Вот грех-то... (*Вскрикивает.*) Уж не отец ли?!
ВАРЛААМ (*орет*). Да ты что молотишь, дурак ты трижды! Старец! Келейник.

ГРИША. Келейник? А, к примеру, Варлаамушка, ГДЕ?

ВАРЛААМ. В Серпейске.

ГРИША. Вот знаю вопрос, да спросить боюсь: а каков, брат, был ход самого дела?..

ВАРЛААМ молчит.

(Шепотом.) Зарезал?..

ВАРЛААМ мотает головой.

Голову ему смял?.. Отравил?..

ВАРЛААМ злится.

Не злись! Нелегкое дело, устал я вдруг. Утопил, что ли?..

ВАРЛААМ злится.

Огнем зажег?

ВАРЛААМ кивает.

Ай! Ну, вот и все, Варлаамушка. Легче ли тебе стало теперь?

ВАРЛААМ. Спрашивай!

ГРИША. Да что же еще? Уж и не знаю... Я думал – все, а ты еще хочешь...

ВАРЛААМ *(шепчет)*. Каменка топилась. А он и говорит:

«Дождись, чтоб погасла, да дыру заткни, а до этого спать не ложись...»

ГРИША. А ты?.. (*Губами.*) У-ШЕЛ?

ВАРЛААМ кивает.

И дыру... (*Губами.*) ПРИ-КРЫЛ?

ВАРЛААМ (*кивает*). Никто и не подумал на меня... Я ведь громче всех плакал.

Молчание.

ГРИША. Скорей бы к заутрене... (*Смеется.*) Вот когда я убью кого – я сразу скажу... (*Встает перед Варлаамом на колени.*) Скажи, что соврал! Скажи: так, мол, и так, скучно мне сделалось, я и соврал...

ВАРЛААМ молчит.

А ты скажи! Пожалей меня, скажи!

ВАРЛААМ. Вру.

ГРИША. Вот я теперь и не знаю. Варлаамушка, как мне тебя благодарить за это?.. Вот смотри ж ты: раз сказал – «да»; другой раз – «вру»... Вот и вышло, что ни то ни се!.. (*Вскидывается.*) Молчи, молчи! Это я себе говорю, не тебе! Мол-

чи, Варлаамка, не отвечай, хуже будет! Молчи, если умен... Я ведь слаб, не уймусь, пока кому другому не скажу, так и знай!..

ВАРЛААМ обнимает его. Гладит по голове.

А сам в это время из голенища вынимает нож.

(Видя нож.) Ай! Ай! Не надо! Все равно скажу!

ВАРЛААМ. Потешался я над тобой, а ты, дурак...

ГРИША. Врешь! Ты правду сказал! А если соврал – отчего во сне так по постели мечешься? Я уж давно чего подумал. Я долго крепиться буду, а все равно не удержу – скажу. Я себя знаю.

ВАРЛААМ. Вот и оговоришь.

ГРИША. Да почему я теперь знаю – не скажу: меня томить начнет, а скажу – оговор! *(Тихо.)* Ты нарочно, да? Нарочно? Тебе душа моя нужна?

ВАРЛААМ *(отталкивая его)*. Поди прочь, дурак! Кому нужна твоя душа... Буди Федора!

**Смотрит на ФЕДОРА, а он не спит—
лежит с открытыми глазами. ВАРЛААМ
замолкает, сидит в кресле неподвижно.**

ГРИША (*радуется у стола*). Кабы я писать умел... Писали писаки, а читали собаки...

ФЕДОР. Тихо-то как... Вот бы так всегда...

ГРИША. Сейчас к заутрене позвонят.

ФЕДОР. Звон – это ничего. Это не нарушает. А вот бы сейчас: все умерли, мы одни и остались...

ГРИША. Жалко. И хороших много.

ФЕДОР. А хорошие – пусть их. Ведь кричат-то злые.

ГРИША. Да ты сам, Федька, первый крикун!

ФЕДОР. Я так спал хорошо... Будто кто пел надо мною.

ГРИША. Это мы с Варлаамкой о временах говорили.

ФЕДОР. А шел бы ты сюда, лапушка.

ГРИША. А и пойду. (*Забирается к Федору на постель.*)
Как хорошо с тобой, Федя.

ФЕДОР. Еще голубем назови...

ГРИША. А и назову. Назову. Голубь ты мой серебряный...

ФЕДОР и ГРИША смеются.

ФЕДОР (*тихо*). Знаешь, Гришка, вроде кончилась болезнь моя. Такое ослабление внутри наступило... Говорят, у взрослых-то она кончается. А вот если, мол, и у взрослого не кончится – тогда навсегда. Хоть бы кончилась...

ГРИША. Да ведь сам же говоришь – все, кончилась.

ФЕДОР. А если опять? Удавиться впору.

ГРИША. А ты у Бога просил?

ФЕДОР. Не дает.

ГРИША. Плохо просил. Нужно хорошо просить. Он всегда даст.

ФЕДОР. А тебе все дается?

ГРИША (*смеясь*). Ага!

ФЕДОР. А мне – никогда.

ГРИША. А ты заходишься быстро, сердиться начинаешь.

ФЕДОР. Честное слово!

ГРИША. Да я тебя знаю – всего ничего и попросишь, а тут же думаешь: что это, мол, мне не дают! А я другой – я безнадежно прошу – мне грех не дать...

ФЕДОР смеется.

ФЕДОР. Вот был бы ты, Гришка, девкою – я бы на тебе

женился! Ей-богу. Хороший ты...

ГРИША. А ты на парне женись!

ФЕДОР. Ай! Да кто ж позволит? Не говори, не думая! Вот, хоть бы Варлаам – что скажет?

ВАРЛААМ молчит.

Я б тебе, Гришка, подарки дарил.

ГРИША. Скажи, скажи.

ФЕДОР. Я б дарил не для богатства, а все для смеха!

ГРИША. Вот, к примеру, что?

ФЕДОР. Ну... Слона золоченого!

ГРИША (*хохоча*). Живого?! А где бы взял?

ФЕДОР. Из Индии пригоню. Я его прутиком стегать стану, а он идти будет.

ГРИША. А что мы с ним делать станем?

ФЕДОР. Ну, мало ли чего... На то он и слон!

ГРИША. А Грозный, говорили, одного слона велел на куски изрубить! Он перед ним на колена не встал. А тот и зашелся...

ФЕДОР. А хочешь – и ты изруби, если надо!

ГРИША. Нет. Слон – ведь это что? Это – чудо явленное! Да я сам перед ним на колена встану!

ФЕДОР. А он на тебя намочится, когда ты перед ним станешь! Вот приспичит ему!..

ГРИША. Да ты что, дурак?! Слон умнее людей. Уж если

взять, то и голова у него больше. У нас вон какие крохотные, а у него – вон!

ФЕДОР. А чем ты его кормить станешь?

ГРИША. Ого! А трава-то на что?

ФЕДОР. А он, может, только индийские травы ест, а наши – нипочем!..

ГРИША. Ну, не знаю, не знаю... Где я ему индийской травы наберу? Понимать должен...

ВАРЛААМ (*тихо*). Федор! Прости ты меня, Федор! Сердце не на месте, прости!

ФЕДОР. Чего ты? Молчал-молчал...

ГРИША (*тихо*). Не говори ты с ним. Нехороший он. Давай опять про слона говорить станем.

ВАРЛААМ. Прости, Федор, не хотел я...

ФЕДОР. Чего ты вдруг прощаться стал?

ГРИША. Вот канитель...

ВАРЛААМ. Уж ты мне так врезал... Я такой раны не ждал. У меня рука – хамская, у тебя – царская...

ФЕДОР. Прости и ты. Волнение на меня нашло.

ВАРЛААМ. Видишь, Феденька, я и сам это знаю. Ну что же мне делать, если Бог не дал. У меня и чувства внутри обманутые: мне кажется – могу, мне кажется – чего бы и не мочь-то, вот уж почти и получается! А обман это!.. Видишь, наказание какое: руки не дали, и ум обманывается...

ФЕДОР (*садится на постели*). Да что же, Варлаам... Я вот, к примеру, лицом нехорош... Так что же: проси – не

проси...

ВАРЛААМ. Нет, Федор... Я бы, кажется, и болезнь твою на себя взял, лишь бы...

ГРИША (*вскакивая*). Да вы что?! Такие дела только через дьявола делаются!! Как дети малые...

ФЕДОР (*в сомнении*). Вряд ли...

ВАРЛААМ. Вот хоть мне и тяжело через это стало, больно, а... как сказал ты это словами... Я теперь об этом хоть думать не стану... (*Смеется.*) Поди ж ты, мол, когда зуб болит – руку надо укусить... Пожалуй, и так!..

ГРИША. Э-э... Такой-то методой – да я бы уж и самое себя съел...

ВАРЛААМ. Я вот даже Гришке велел допросить меня про...

ГРИША. Ну, так и ведет его, так и ведет...

ВАРЛААМ. ...Про то, как убил.

Молчание.

ФЕДОР (*в испуге*). Убил?

ВАРЛААМ. Убил.

ГРИША. Ты его не слушай. Заморочит он тебя, Федя. Вот смотри: чуть что, скажет – нет не убивал! Видно, и твоя душа ему нужна. Зачем ты, Варлаамка, править над нами хочешь? Разве мы плохо жили?..

ФЕДОР (*подавлен*). Убил...

ВАРЛААМ. Я это затем словами сказал, чтобы легче было.

ФЕДОР. Не стало?

ВАРЛААМ. Не стало.

ГРИША. Я вот одно у тебя не спросил: за что убил-то?

ВАРЛААМ. Из гордости.

ГРИША. Из гордости?! Вот и гордился бы, а убивать за чем?

ВАРЛААМ. Молодой я был...

ФЕДОР. А пожалел?

ВАРЛААМ. Не знаю. Не знаю.

ФЕДОР. Пожалей.

ВАРЛААМ. Не могу что-то...

ФЕДОР. Э, брат. Либо забудь, либо пожалей.

ВАРЛААМ. Не могу! Ты бы смог. Я – не могу. Забыл же ты про ребеночка, а я бы не смог.

ФЕДОР (*тревожно*). Про какого – ребеночка?

ГРИША. Федя! Не верь ему! Он от скуки нас морочит!

ФЕДОР. ...Про какого?..

ГРИША. Сон это был! Ничего не было!

ФЕДОР. ...Что-то было... А я и забыл...

ВАРЛААМ. Вот видишь! Да ты, брат, злодей. А я вот мучаюсь!

ГРИША. Федя! Меня только слушай! Его не слушай!

ВАРЛААМ (*Грише*). Уйди!

ГРИША (*схватился за Федора*). Не гони меня, Федя, ведь

он зарежет тебя, у него нож есть!

ВАРЛААМ. Тогда молчи.

ГРИША. Молчу. Молчу.

Пауза.

ВАРЛААМ. Ты, Федор, об этом не думай. Прав Гришка – не надо. Зачем тебе? Ты – царь. Тебе Бог дал. Захочешь – еще убей. А не думай. Моя бы воля – я б тебя на царство венчал!.. И первый к ногам лег. Тамошние цари и знать не знают: кто взаправду правит. Не смешно ли?! Он царь, а вот, к примеру, чума без его ведома людей казнит. Какой же он после этого царь, если она у него не спрашивается?! Глядишь, и его жизни лишит! А где она?! Кто видал?! И тебя... И тебя – никто не видал! Мы с Григорием знать будем. Да молчать. А ты – правь! Власти – от Бога, а Он, видно, одобряет. Раз молчит. Раз руку тебе не отсушил. Речи не отнял. Значит, правда. Царь!

Пауза.

Только послушай... Не станешь же ты по сто лет ждать, чтобы по-твоему вышло? У тебя приговор уж больно долг. (Смеется.) Это все равно – сейчас выпил, а к другой зиме – запьянел! Кому надо... Ага! Писала писака, а чита-

ла – собака. Я, видно, глуп был, что сердился: слова опускаешь! Слово – что? Плюнуть. Опустить хоть все, теперь не рассержусь. Видишь, Федя, как получается... Слово миром не править. Я это знал, да забыл. Делу править. Дурак, такую вещь забыть! А ты? Хорош. Слова-то помнишь, а ребеночка – забыл... Не смешно ли?

Звонят колокола к заутрене.

ФЕДОР (*пугается*). Ах! Да чтоб вас... Затрясло всего. Так тихо было, так хорошо. Нет, звонить им надо! Да что уж это нынче так ночи коротки?.. Нехорошо мне. Начинается. Вот ведь – думал, уж взрослый я – пройдет. А нет. Пустика, Гриша.

ГРИША сползает с кровати. ФЕДОР ложится.

ВАРЛААМ. А ты ляг. Не думай. (*Укрывает его. Гладит.*) Что думать-то? Лежи себе. Пройдет еще. Не взрослый ты. А она, видно, из тебя выходит, вот и измучила. Неохота ей. Кому ж охота? Куда ей теперь... Спи. Спи. (*Гладит.*)

ФЕДОР засыпает.

Что дрожишь, Гришка? Поди, сядь рядом. Давай о време-

нах поговорим.

ГРИША. Давай. Только, чур, не пугать.

ВАРЛААМ. Зачем?

ГРИША. А кто тебя?..

ВАРЛААМ. Ты сам, брат, уж пуглив очень. Вот и охота тебя пугать. А ты не бойся.

ГРИША. Ладно. Я не буду. А что – о временах?

ВАРЛААМ. Можно много чего. Вот хотя бы и о Борисе...

ГРИША. А говорил – не будешь.

ВАРЛААМ. А ты почему знаешь, про что я говорить буду?

ГРИША (*вздыхая*). Да уж знаю. Про Димитрия...

ВАРЛААМ. А хоть бы и про него.

ГРИША. Ну, давай. Только, чур...

ВАРЛААМ. А было так. Задумал Борис его погубить. Задумал он его зарезать.

ГРИША вздыхает.

Что, брат, сделаешь, задумал. И послал он к нему людей.

ГРИША. Я знаю дальше. Знаю. Давай о другом.

ВАРЛААМ. Только начал – и бросай! Сначала это доскажу! А потом, если хочешь, про другое...

ГРИША. А я этот конец знаю! И мне про него – скучно.

ВАРЛААМ. А вот и не знаешь. А ты послушай, а потом скажешь.

ГРИША. Ну?

ВАРЛААМ. Ну вот. Послал людей. А там уж знали, не глупы! И люди эти с дуру-то другого мальчонку зарезали!

ГРИША (*радуется*). А Борис-то думает – Димитрия!

ВАРЛААМ. Ага!

ГРИША. А где он?

ВАРЛААМ. А вот. Тут-то сказ и начинается. А его – спрятали! Ничего ему не говорят. Он рос. В монастырь отдали.

ГРИША. Ну?

ВАРЛААМ. Имя другое дали. Вот лежит он сейчас где-нибудь... спит... а не знает, что он – царь Димитрий Иоаннович!

ГРИША. Не знает... (*Встревожился*.) Врешь? А не врешь – так что у тебя лицо так светло? Перестань!

ВАРЛААМ. Спит... И не знает...

ГРИША (*вскрикнув*). Ай! Ты это нарочно говоришь?!

ВАРЛААМ. Была нужда... Иди сюда! (*Усаживает Гришу себе на колени. Говорит ему как ребенку.*) А он и не знает. Откуда ему? Ему до поры до времени – никто этого не скажет.

ГРИША. Перестань, Варлаамушка, нарочно ты, что ли?..

ВАРЛААМ. Простой монах, всем кланяется, со всеми прост... А между тем...

ГРИША. Я знаю! Я знаю, зачем ты это говоришь. Да ведь ты злодей! Не можешь же ты так потешаться?! Или ты...

ВАРЛААМ зажимает ему рот рукой. **ГРИША** отбивается, но **ВАРЛААМ** затыкает ему рот.

ВАРЛААМ (*укачивает*). А между тем он – царь. Никто ему об этом не скажет. Сам поймет. Сам догадается...

ГРИША **вырывается.**

(*Крепко держит его. Вторую руку накладывает ему на горло.*) ... Вот и догадался он! Испугался, конечно. Еще бы не испугаться! Есть с чего. Тут всякий, брат, испугается. Хоть кого возьми. Да делать-то нечего... Царь так царь. Так Бог велел!

Лежит в грязной келье, всем в ноги кланяется, всяк его прогнать может. А на отцовском месте, где ему сидеть, – татарин сидит! Вот поди ж ты!.. Сам ведь, Гриша, говорил, что и волки волков есть стали... Что лисицы черные забежали... А как им не есть! Когда царевич тут. А татарин – там! Да то ли еще будет. Страшные времена, ей-богу, страшные. Ну, он, конечно, испугается сначала. Как не испугаться? А потом... Не сразу... Потихоньку начнет. Сначала – дай, думает, убегу! А потом, думает, соберу полки и поведу их на Москву. Татарина сгонять!..

Вот и нет испуга! Вот и ясно все в голове стало. Сразу

видать – царем будет! По всем приметам будет!..

А ты говорил – конец, мол, плох. Не плох! Хороший конец! А ведь как ругался... Руглив ты, Гриша, не по годам руглив... Ну да Бог даст, пройдет... (*Отпускает Гришу. Осторожно перекладывает его на постель, рядом, с Федором.*)

Пауза.

Федя! Федор! Вставай! К заутрене звали.

ФЕДОР (*просыпаясь*). Утро? Наконец-то!

ВАРЛААМ. Приходили. К заутрене звали. Нехорошо. Идем.

ФЕДОР (*вставая*). Буди Гришку.

ВАРЛААМ. Пусть его, мал еще – устал за ночь. Пойдем.

ФЕДОР. Пойдем.

ФЕДОР медлит.

Нет!.. Ты иди, Варлаам, один.

ВАРЛААМ. А ты?

ФЕДОР. А я... Я приду.

ВАРЛААМ. Идти – так вместе...

ФЕДОР. Что ж, пойдем.

Уходят. Тишина.

ГРИША садится на постели.

ГРИША (*шепчет*). Господи!.. Нет, не так... Не то это... (*Встает.*) Богородица, матушка!.. Все упование мое на Тебя возлагаю... Матушка Божия! Сохрани Ты меня под покровом Твоим!..

**Тихо, стараясь не шуметь, идет
к маленькому оконцу и открывает его настежь.**

**Серое, нехорошее утро. Высовывает в окно
голову и жадно дышит морозным воздухом.**

Гулят голуби.

Занавес.

1988

Кухня ведьм

Михаил Угаров

Из трех пьес:

Калинка-малинка

Ужин

Шишел-вышел

*...Старухи, любившие выпить, окрашивали
водку в черный цвет – чем иначе могли они выразить
свою печаль?..*

Г.-Х. Андерсен

Пьеса первая. Калинка-малинка

Действующие лица

МАКАРОВНА.
КИРИЛЛОВНА.
ПАВЛИК.

Так сказано – кухонька – не потому, что она маленькая. Кухонька не мала. Она заставлена черт-те чем, не протиснуться. В ней шкафы и гардеробы. И газовая плита.

За столом сидят МАКАРОВНА и КИРИЛЛОВНА. ПАВЛИК болтает ногами, сидя над бесконечными своими макаронами. Съест тарелку, прыгнет со стула, наложит себе еще, заберется на высокий стул и снова ест.

МАКАРОВНА (*задорно*). Споем, подруга!

КИРИЛЛОВНА (*печально*). Нет, девушка, не поется мне

никак.

МАКАРОВНА. Помереть бы, а? Вон кому хорошо: помершим. Помершим, девушка, лучше нашего. Ветерком ходят, ветерком, нигде ничто их не цепляет. Травкой шелковой идут, свету радуются!

ПАВЛИК. Помереть – трудно. Очень хотеть надо.

КИРИЛЛОВНА. Не говори.

КИРИЛЛОВНА заплакала.

МАКАРОВНА. Не реви. Не жаль мне тебя.

КИРИЛЛОВНА. Не жаль?

МАКАРОВНА. Ты пойми, не откровенная ты со мною. Вот ты колено вывернула... Коленка – это что?

КИРИЛЛОВНА. Коленка? Ну... Сустав это.

МАКАРОВНА. А что такое – сустав?

КИРИЛЛОВНА. Сустав? Ну... Сочленение.

МАКАРОВНА. И все?

КИРИЛЛОВНА. Все.

МАКАРОВНА. Мало.

КИРИЛЛОВНА. Ну... Когда одна вещь, к примеру, вплоть стоит к другой. Ага?

МАКАРОВНА. Во-от! Одна косточка в другую уходит. Одна без другой никак. Одна с другой ладит. Любовь у них меж собою! Так?

КИРИЛЛОВНА (*смутилась*). Не знаю я. Старухины кости...

МАКАРОВНА. Любо-овъ. Любо-овъ! Верь мне, зря не скажу. Когда я зря говорила? У тебя отчего коленка вспухла? Любления между не стало!

КИРИЛЛОВНА. Стукнулась я коленкой. Взяла, дура, да стукнулась.

МАКАРОВНА. Вот. И порушила все.

КИРИЛЛОВНА вздыхает.

ПАВЛИК. А у меня? А я? Любление во мне есть?

МАКАРОВНА (*воркует*). Как же не быть-то? Тебе и солнышко радо. А птички – как тебе на улке делают?

ПАВЛИК. Чир-чир. Чир-чир.

МАКАРОВНА. А ты говоришь. И жучки рады. Котик ты наш...

ПАВЛИК (*радуется*). И жучки.

КИРИЛЛОВНА. Несчастливая я. Любкая я очень.

Молчат.

МАКАРОВНА. Я тебя, девушка, жалела?

КИРИЛЛОВНА. Жалела.

МАКАРОВНА. Всегда жалела. Я о тебе думала?

КИРИЛЛОВНА. Думала.

МАКАРОВНА. Всегда думала. Иной раз о себе подумать

не успею, а уж о тебе-то...

КИРИЛЛОВНА. Мне тут сказать нечего.

Молчание.

МАКАРОВНА (*наклоняется к ней и жарко шепчет на ухо*).

Хочешь, огонь разведу?

КИРИЛЛОВНА молчит.

(*Решительно вставая.*) Не клони, не клони голову. Что клонишь?

ПАВЛИК. Пригорюнилася.

МАКАРОВНА разжигает плиту. В темную медную кастрюльку доливает из пузатой бутылки, приправляя порошками и травами. Долго помешивает. Напряженное молчание.

МАКАРОВНА. Кипеть не хочет.

МАКАРОВНА бросает ложку,
которой помешивала варево, на пол.
Топает на кастрюльку ногами.

(*Кричит.*) Кыш! Кыш! Кипи! Закипишь – нет?
ПАВЛИК. Не хочет.

МАКАРОВНА плюет в кастрюльку, а та
хоть бы что. **МАКАРОВНА** от злости
разревелась. **ПАВЛИК**, глядя на нее,
тоже заревел. А **КИРИЛЛОВНА** молчит.

(*Ревет.*) Реветь будешь – незалюблю я тебя.

МАКАРОВНА (*ревет*). А и не люби. Не люби. Никто старушку не любит, и ты не люби. Насери на нее, на старушку. Что тебе?

ПАВЛИК ревет.

КИРИЛЛОВНА (*спокойно*). Не реви. Что реветь-то?

**Тут МАКАРОВНА вдруг и успокоилась.
Утерлась передником. И ПАВЛИК затих.**

МАКАРОВНА (*решиительно*). А я еще заварю. Вот что
хोшь со мной делайте – заварю, да и все.

ПАВЛИК. Завари, а что?

КИРИЛЛОВНА. Завари, а что...

**Снимает кастрюльку с огня. Открывает
скрипучую дверку гардероба и туда, в черную
глубину его, с гиканьем выплескивает
варево. И дверку тут же захлопывает.**

**Из всех щелей гардероба валит густой
и едкий пар. ПАВЛИК визжит от восторга.**

МАКАРОВНА. Ай, старушка! Ай, старушка! (*Кириллов-
не.*) Не уважаешь ты меня, подруга.

КИРИЛЛОВНА. Почему? Уважаю.

МАКАРОВНА (*подсев к ней*). Скрытная ты.

КИРИЛЛОВНА (*испуганно*). А чего?

МАКАРОВНА. Тебе знать – чего. Через твою скрытность,
через молчание твое... не происходит никак. (*Тыкая ей в нос*

кастрюлькой.) Она ведь не дура. Поди, все знает. Что это, говорит, я ей расстараюсь, для чего это, говорит? Когда она, злыдня, молчит. Когда она вруша.

КИРИЛЛОВНА (*опустив глаза*). Что и сказать-то тебе — не знаю.

МАКАРОВНА. Сказала бы. Что-нибудь.

КИРИЛЛОВНА (*пугаясь*). Разве сказать?

МАКАРОВНА замерла.

**Тут дверца гардероба скрипнула
и сама стала тихо-тихо открываться...**

Старухи притихли.

МАКАРОВНА (*Павлику, шепчет*). Киса, прыгни-ка, прикрой дверку. Тебя никто не обидит, тебе можно.

ПАВЛИК. Сами, дуры, прыгайте, сами, дуры, прикрывайте.

МАКАРОВНА (*Кирилловне*). Ну! Говорила я тебе! Значит, правда? Значит, врешь? Не говоришь?

КИРИЛЛОВНА (*пихает ее*). Молчи.

МАКАРОВНА. Ты рукам воли не давай.

КИРИЛЛОВНА. Молчи. А то набью.

МАКАРОВНА. Ну давай – кто кого? Поборемся – увидим.

КИРИЛЛОВНА. Была охота...

МАКАРОВНА. Ага! Я проворная, я тебя мизинчиком одним поборю! Пока ты ручищу свою заведешь, я тебе уж десять раз в поддых ткну.

МАКАРОВНА вновь накладывает что-то в кастрюльку, зажимая нос при этом.

КИРИЛЛОВНА осторожно прикрывает дверцу гардероба. И замирает, прижавшись щекой к дверке.

КИРИЛЛОВНА. Несчастливая я, вот что.

МАКАРОВНА. Так сама и виноватая. Из-за самой тебя.

КИРИЛЛОВНА (*качает головой*). Нет. Не говори, не из-за меня. Знаю из-за кого, да говорить неохота.

МАКАРОВНА. Скажи. Ага! Сказать-то нечего, называть-то некого? Вот и пыхтишь-стоишь.

Разожгла плиту, долила в кастрюльку.

Споем, подруга!

КИРИЛЛОВНА. Нет, девушка, не поется мне никак. Ска-
зала бы хоть, что варишь-мешаешь? А то и не знаю.

МАКАРОВНА. Ладно, ты глупа, тебе можно. (*Прикрыв
рот ладошкой.*) Это – царевы-очи, любимая-трава, росянка
белополощатая. Вот что.

КИРИЛЛОВНА. Вот оно что. Анна Яковлевна еще, по-
койница, мне о ней хорошо говорила.

МАКАРОВНА. Тихо ты – по имени-то! Толстопятой
здесь еще не хватало.

КИРИЛЛОВНА. Это почему же?

МАКАРОВНА. Потому. Знаю, если говорю.

КИРИЛЛОВНА (*упрямо*). Она хорошая была.

МАКАРОВНА. Была да вышла. (*Посмеиваясь.*) Если ты
на меня думаешь... Нужна она мне! Ее в бане утащили. Я чи-
ста перед ней. И в мыслях ничего не было.

КИРИЛЛОВНА. Хорошая была женщина.

МАКАРОВНА. Ага! А в бане утащили. Ой, пена хлупает!
Закипело.

ПАВЛИК. Кушать будем?

МАКАРОВНА. Да кто же это скушать сможет? Сустав бу-
дем лечить.

КИРИЛЛОВНА. Горячо будет?

МАКАРОВНА. Горячо. Прожжет! (*Оборачивается к ней.*) Не хочешь – не надо. Смотри, всю охватит, крикнуть не успеешь.

КИРИЛЛОВНА молчит.

Чего не отказываешься, а? (*Смеется.*)

КИРИЛЛОВНА молчит.

Насквозь тебя всю так и проткнет. Кипящее масло против этого плюнуть! – мыло хозяйственное. Говори – отказываешься?

КИРИЛЛОВНА (*после паузы*). Что-то спину заломило.

МАКАРОВНА. Говори, ну!

КИРИЛЛОВНА. Я, видишь, шерстяным платком ее обернула, думала ничего. А прохватило.

МАКАРОВНА. Отвечай что спрашиваю.

КИРИЛЛОВНА молчит.

(*Плюнула.*) Ну ладно. Продукт зря извела. Нервы на тебя измотала. Дурь свою потешила. И – спасибо.

КИРИЛЛОВНА молчит.

(Поджав губы.) Другому обидно сделать – каждому нравится. Это нетрудно – другому обидно сделать. А больше я ничего тебе не скажу, так и знай. (Павлику.) Один ты, котик, добренький! Все люди злые, киса мой один ласковый. За то тебе и птички чир-чир говорят. А мне, старушке, ничто не радо. Меня, старушку, всяк толкнуть норовит. Злобу свою спустить.

**МАКАРОВНА снимает кастрюльку
с огня. Тушит его. Несет
кастрюльку к гардеробу – выливать.**

Тут КИРИЛЛОВНА в голос заревела.

Чего?

КИРИЛЛОВНА. Не надо.

МАКАРОВНА. Чего не надо?

КИРИЛЛОВНА. Оставь.

МАКАРОВНА. Попроси-ила. Попроси-ила. (Смеется.)

А может быть, я врала все? Больно уж ты, девушка, легковёрная!

КИРИЛЛОВНА. Я знаю. Мне Анна Яковлевна говорила.

МАКАРОВНА. За то она и кончила плохо. Долго ты притворялась. Ух, хитрющая ты, ух!

КИРИЛЛОВНА. Прости ты меня, Макаровна, прости. Я ведь не думала... (*Шепчет.*) Поманило меня, невольная я! Я добром не кончу. Анну Яковлевну, вон, в бане утащили, а мне – страшнее придумают. Но не могу, не могу, невольная я.

МАКАРОВНА (*шепчет*). Не бойся.

МАКАРОВНА разжигает огонь на плите. Снова ставит кастрюльку. В ней сначала еле слышное, а потом все громче – посапывание. Кипит.

Одну тоже лечили. Очень просила. Ну, ничего, наладили. Зато еле ходить стала. Что ни ступит – ну ни дать ни взять, – по ножам ходит. Терпела – что ж сделаешь!

Тут в гардеробе раздались какие-то звуки. Даже покосило его, заскрипел он.

(*Смеется.*) Ну, Кирилловна, вот и все. Не уйти нам теперь. Павла не тронут, он ни в чем не виноват.

КИРИЛЛОВНА. А мне все равно. Просрала я жизнь. Что ж теперь сделаешь.

МАКАРОВНА. Ну нет, не говори! В чем ты виновата?

КИРИЛЛОВНА. Какая разница?

МАКАРОВНА. Большая. Разница вон какая! Пусть теперь за это ответят.

КИРИЛЛОВНА. Кто?

МАКАРОВНА. Кто-кто! Иван Пихто.

КИРИЛЛОВНА. Этот-то ответит.

МАКАРОВНА. Я молодая была – думала: ух, как наживусь! Ух! *(Топает ногой.)* Ух! А что вышло?

ПАВЛИК *(подперев щеку)*. Что вышло, что вышло.

КИРИЛЛОВНА. Негры хуже нашего живут. У меня на этом сердце успокаивается. Хотя и грех так говорить, а душе все легче. Да что? Все грешны, не я одна.

ПАВЛИК. В Африке тепло. У нас холодно. *(Положил голову на стол и задумался.)*

**Кастрюлька на плите в это время
резко свистнула, подпрыгнула, всю
кухоньку заволокло белым паром.**

**МАКАРОВНА одной рукой огонь убавляет,
другой – полотенцем дым разгоняет.**

МАКАРОВНА. Вижу, вижу! Притомили мы тебя, старухи

глупые. Спасибо тебе, матушка. Послужила хорошо, ничего не скажу.

Снимает с огня кастрюльку и ставит ее на стол.

Ну! Не откажись, девушка, смотри – сколько сил ухлопано.

**Из темной бутылки доливает
густую рубиновую жидкость.**

А ПАВЛИК заснул.

**МАКАРОВНА утерла вспотевшее лицо
полотенцем. Потом метнулась к буфету,
достала оттуда чайную чашку. Налила в нее.**

**КИРИЛЛОВНА поглядела с тоской на
гардероб, вздохнула и одним разом все
выпила. Замерла с открытым ртом.**

ПАВЛИК спит.

**МАКАРОВНА толкнула КИРИЛЛОВНУ
ногой, а та – сидит как кукла, не шелохнется.**

(Шепотом.) Старая. Цинта уж редкость, одно и притомило.

стоит. Все разошлось. Все порознь распадается. Тяги нету между членами. Так уж хоть, баловства ради, встык свести. Да чтоб натяжение пошло.

КИРИЛЛОВНА сидит прямо, глаза ее открыты. Лишь губы чуть подергиваются.

Встала, пошатываясь. Руки над головой заломила, хрустнула ими...

Губы облизала и тихо засмеялась.

Испугалась. Озирается по сторонам.

Руки вперед выставила, как для защиты.

КИРИЛЛОВНА. О-о-о. Темно. В темный – лес – вошла.
МАКАРОВНА (*шепчет*). Не бойся.

КИРИЛЛОВНА. О-ой. Идти ли – тропинкой – не знаю – страх берет.

МАКАРОВНА. Иди, иди. Почему не идти?

КИРИЛЛОВНА. Ой – темно – впереди – больно – густо там – идти ли.

МАКАРОВНА. Иди, иди.

КИРИЛЛОВНА. Ой – ягода – светится – горит – ой – что будет – густо – больно.

МАКАРОВНА. А ты бы взяла ее. Да съела. Сладость будет.

КИРИЛЛОВНА. А-а-а-а... м-м-м-м... о-о-о-о... н-н-н-

Н...

МАКАРОВНА (*тихо смеется*). Я ведь не вру.

КИРИЛЛОВНА. Ой – не тронь – меня – не губи – меня – головушку.

МАКАРОВНА. Медведь?

КИРИЛЛОВНА. Черный – не губи – ой! – навалился – ой! – ся! – не гу... а-а-а-а!.. ...би меня! – о-о-о-о... н-н-н-н... у-у-у-у... Еще – еще – еще! А-а!

Замирает и молчит.

МАКАРОВНА устало смеется.

Просыпается ПАВЛИК, трет кулачком глаза, таращится по сторонам.

ПАВЛИК. Страсно! Так страшно сейчас было!

МАКАРОВНА. Вот те на! Мы обе тут, а ему страшно. Заспал ты, киса, заспал.

ПАВЛИК. Ага! Обе тут. (*Развеселился. Стучит по столу и поет.*) Задери мою коровуску, не губи мою головушку!

МАКАРОВНА (*тоненько подпевает*).

Калинка-малинка моя,
В саду ягода-малинка моя!..

ПАВЛИК (*Кирилловне*). Эй! Ты сто, аршин проглотила?
(*Хохочет.*)

МАКАРОВНА (*смеется*). Съела, батюшка, съела. Грешна. Аршин – прости Господи! – съела.

**КИРИЛЛОВНА заморгала
часто-часто, ртом воздух ловит.**

КИРИЛЛОВНА. Ны-ы... Мо-о-о... О-о... Ой, чуть – жива – осталась. Страху-то... страху-то... Натерпелась.

ПАВЛИК. Страсно было? Страсно?

КИРИЛЛОВНА. Ой, как было. Как было!

МАКАРОВНА. Ай, старушка! Ай, старушка!

КИРИЛЛОВНА. Поясницу заломило.

**Тут МАКАРОВНА покатилась
со смеху. И ПАВЛИК захохотал.**

Все смешно, все смешно! Ведь старая ты уже, а все бы хахоньки разводить. А и ты, Павел Иванович, – не мальчик! – а туда же!

ПАВЛИК (*заревел*). Мне сесть лет! Мне сесть лет!

МАКАРОВНА. Тихо ты, котик, тихо! Кто же с тобой спо-

рит? Тебе и птички на улке говорят: шесть! шесть! Не слушай бабку злую. У ней поясницу заломило. Вот она и злится. Молочка хочешь?

ПАВЛИК. Злая, бабка, бяка. У-у!

МАКАРОВНА. Не сердись на нее, батюшка. Вот стареньким станешь, сам рассердишься. На деток кричать станешь. За то старых-то и не любят. А за что их любить? Старые, некрасивые, фу, фу! Я вот сама ни в жизнь не возьмусь старых любить. Я старушка веселая, я – другое дело, никто мне бяку не говорит. Вера Ивановна со второго подъезда – уж на что злая! – а и та очередь мне уступила. Схожу, говорит, в овощи, а ты, Макаровна, и за меня, и за себя стой спокойно. Кто привяжется – покажи! – поедом съем. Сколько б бабушка за красным выстояла, если б не Вериваннина доброта? А я еще и с очередью пошутила, и очередь довольная мною осталась. А Кирилловна – просто неудачливая. Не злая она.

Глянь-ка, любушка! Бабка-то наша – заснула. Вот соня! Вот клуша! Ишь, сопит. Ишь, носом-то так и выводит. Сон кого хочешь поборет, сколько глаза ни пяль, а он свое возьмет.

**Сладко зевает. Кладет локти на
стол, голову на них и засыпает.**

КИРИЛЛОВНА спит сидя, приоткрыв рот.

Вечер.

**Темнеет в кухне. Серые сумерки
спутали очертания всех предметов.**

**В гардеробе – чиркнула спичка, изнутри
засветились все его щели. Прикуривает
кто-то... Дунул на спичку, и щели погасли.**

**ПАВЛИК сидит тихо,
стараясь не будить старух.**

ПАВЛИК (*подперев щеку, шепчет*).

Калинка-малинка моя,
В шадy ягода-малинка моя...

Занавес.

Пьеса вторая. Ужин

Действующие лица

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА.

НАТАША.

ЛИЗКА.

Кухонька не мала. Заставлена черт-те чем, не протиснуться. В ней шкафы и гардеробы.

И газовая плита. На плите – десять кастрюлечек, восемь сковородочек.

На четырех конфорках. И все кипят, все шипят, пар отовсюду и дым кругом.

**В центре стола сидит ЛИЗКА.
Ноги до полу не достают. Сидит
и глазками – просто так, в воздух.**

Стрелять-то здесь не в кого, кроме ОЛЬГИ ДАНИЛОВНЫ и НАТАШИ, – в кухне никого.

Все началось с того, что на одной из восьми сковородочек оглушительно взорвался жир. Пульнуло во все стороны. И еще раз пульнуло – рикошетом! ОЛЬГА ДАНИЛОВНА и НАТАША умело присели под стол. Их не задело. А ЛИЗКА и не подумала, не пригнулась.

НАТАША. Ну, Лизка! Оторви да брось!

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Смелая. Гордая. Правильно.

ЛИЗКА. Шаблю наголо!

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА (*Наташе*). Споем, подруга!

НАТАША (*печально*). Нет, не поется мне никак...

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Ну! Нашу! Три-четыре!

НАТАША. Нет, прости.

**Вот тут и начался бой. Раздалась
пулеметная очередь из ближайшей
сковородки. Старухи упали на пол.**

**А ЛИЗКА сидит. ОЛЬГА ДАНИЛОВНА
осторожно сняла с ноги меховую
тапочку и тихонько подняла ее над
поверхностью стола. Пулеметная очередь.**

(*Лизке.*) Ну-ка, коза, прыгни да убавь огонь под сковородкой!

ЛИЗКА. Вот сами и прыгайте, сами и убавляйте. Мне огонь нипочем. Коза еще, главное-дело.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Смелая. Гордая. Правильно.

Старухи садятся на пол. Хрустя коленками, вытягивают ноги.

Эх! Как я пела! Голос таков, что – в голове трясение. В самих костях головных звон. Виски проламывает. Как я запевала – нынешним так не петь. Они вон где поют (*тычет пальцем в открытый рот*), а я – вон где! (*Ладонью ударяет себя по лбу.*) Разница!

НАТАША. Кто пел хорошо, так это – Прохорова.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА поджала губы.

У ней – голос из самой груди шел. Как запоем – так меня всю и заломит-заломит, спасу нет.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Ага! А звуку – сильного, хорошего – нет. Не полный голос. Уж так разве что – к вечерку попеть.

НАТАША. А пела хорошо.

Пауза.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Плохо.

НАТАША. Хорошо.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Плохо.

НАТАША молчит.

Сдаешься?

НАТАША. Сдаюсь.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. То-то! Не такие сдавались. (*Загибает пальцы.*) На Дону – раз! В ячейке – два! А в женсоветах? Рук не хватит, в голове не удержишь. Если кто хочет со счету сбиться, тогда – пожалуйста!

НАТАША вздохнула. Сунулась в один из шести буфетов, стоящих на кухне, вынула бутылочку с рубиновой жидкостью.

НАТАША. А ну его! Жаришь-паришь... Ничто уж не в радость. Разве что – выпить?

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Если только по чуточке. Пульнуть. Это – пожалуйста. Это – не считается.

НАТАША наливает. Старухи чокаются
крохотными рюмочками, а те
жалобно звенят. И не пьется им...

НАТАША свою рюмочку легонько отставила.

А ОЛЬГА ДАНИЛОВНА поднесла рюмочку
к одному глазу и стала смотреть сквозь нее.

У-у! Красно-то как! Как – не здесь. Как – незнамо где.
Невозможно. Невозможно.

ЛИЗКА тихонько тащит **НАТАШИНУ**
рюмочку и – губки сердечком – выпивает ее.

ЛИЗКА (*стонет*). Неможное вино, неможное.

**НАТАША очнулась и стукнула
ЛИЗКУ по затылку.**

**ОЛЬГА ДАНИЛОВНА, налюбовавшись,
вздыхнула и выпила, отставив мизинчик.**

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА (*стонет*). О-ох! Всю кровь мою разом стормозило. Застыла она, сухая стала. Из веночки в веночку пересыпается. (*Без паузы.*) Тридцать лет Прохорову не вспоминала. Вспомнила! (*Передразнивает Наташу.*) Пела, мол, хорошо.

НАТАША. Хорошо.

**ОЛЬГА ДАНИЛОВНА заглядывает
во все кастрюльки и сковородки.**

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. У-у! Воды вскипели. Чугуны раскалились. Сала растопились. Душа истомилась! Самое время начинать.

**Надевает белый фартук. Надевает белые
нарукавники. И нацепив круглые очки,
раскрывает толстенную книгу, листает
ее долго и отрешенным голосом читает.**

...Мясо отбить, зачистить от пленок и сухожилий. Нарезать его поперек волокон. Нарезанные куски отбить деревянным молотком...

ЛИЗКА. Коты вареного не любят, им сырое – для урчания лучше.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. ...печень обмыть, очистить от пленок и желчных протоков, нарезать кусками... добавить горошин душистого перца, мускатного ореха и кореньев...

НАТАША. А Прохорова – одни только коренья и ела. Тридцать лет ела.

ЛИЗКА. Обрезки – отдать котам.

НАТАША. А странная такая... Говорит – живого есть нельзя! Как же ты, говорит, Наташа, живое ешь? Это ведь – что самое себя есть. Это ведь, Наташа, грех!.. Мяса не тронь, крови не лей, курочку и ту – пожалей! Одни только коренья: свеклу, морковку, репу пареную. Вот смотри ж ты, странно как говорит.

ЛИЗКА. А кровь – котам отдать на лакание.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА (*помолчав*). ...свежий язык ошпа-

рить кипятком и немедленно снять с него кожу... добавить перебранный изюм и проварить хорошенько...

Молчание.

Она, Прохорова, просто так ничего не делала. Она – все с уклоном. И это, между прочим, не просто так. Она – вегетарианка, Прохорова.

НАТАША. Нет! Что ты. Такое бывает – кто от мяса отказывается.

ЛИЗКА. Лев Толстой.

**ОЛЬГА ДАНИЛОВНА сняла очки,
аккуратно сложила их, улыбается.**

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Я сейчас, Наташка, все поняла. Не смей мне сейчас, Наташка, слово сказать. Сидишь – сиди, а слова сказать – не смей. Ты своими корнями последний довод мне дала. Я ее разоблачила!

НАТАША (*испуганно*). Ольга Даниловна!

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Молчи.

НАТАША (*в панике*). Ольга Даниловна!

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Молчи.

Молчат.

**ОЛЬГА ДАНИЛОВНА снова
надела очки, прокашлялась.**

...сердце вымыть. Отсушить на салфетке. Нарезать небольшими кусками. Обжарить на горячей сковородке...
(*Сняв очки.*) Прохорова. Она на себя наказание такое наложила – коренья. Себя самое – наказывала!

НАТАША. За что?

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Искушение ей было. Хоть и устояла она против него, но в мыслях своих – согрешила. Крепко, видать, напугалась, если вегетарианкой стала. (*Подмигивает.*) Наташа, а, Наташа... говорят – человечье мясо сладкое?

НАТАША молчит.

А-а! Соблазн! (*Смеется.*)

И наступила тишина.

Старухи почему-то уставились на ЛИЗКУ.

ЛИЗКА лицо ладошками прикрыла,
заревела. Слезла со стула. Пятясь,
задом, отступает к гардеробу. Залезла
в гардероб и дверку за собой прикрыла.

ЛИЗКА (*приоткрыв дверку*). Я в живот пну, если что!

Захлопнула дверцу.

Тишина.

НАТАША. Знаешь, Ольга Даниловна... Я сейчас вот что вспомнила. Когда Прохорова тридцать лет назад уходила... И уж на пороге она стояла... Вернулась и в щечку меня поцеловала! Вот оно как было. Дай, говорит, я тебя напоследок хоть в щечку поцелую.

Молчат.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА (*тяжело опустилась на стул*). ... мозги замочить в холодной воде. Потом очистить от пленок. Жарить до образования золотистой корочки... Начну, благословясь.

Идет к плите. Выбирает кастрюльку – одна слишком узка, другая широка, третья – цветом не вышла. Добралась до самой маленькой, до голубенькой. Сунулась.

Но тут из гардероба пулей вылетела ЛИЗКА – хватить крышку с кастрюлечки, другой рукой – выхватила что-то из нее, за спину сунула. И взвыла от боли – из кипятка таскала.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Дай сюда! Дай, паршивка!

ЛИЗКА сразу в гардероб.

(*Барабанит в дверку гардероба.*) Отопри! Лучше сейчас

отопри! Ну, Лизка, доведешь до греха! Смотри, мое сердце никудышное – зайдет да остановится! Привалюсь к дверке да застыну навек. (*Плачет.*) Ты уж и сама, Лиза, померешь – столько времени пройдет. Одни только косточки от тебя и останутся. Да косица.

ЛИЗКА заревела.

Лиз! Дай по-хорошему! Ты молодая, тебе – жить. Не выводи меня, Лиза. Мне самой от себя страшно делается! Когда, Лиза, человек сам себя боится... Ты мала, ты еще этого не знаешь.

ЛИЗКА замолчала.

ЛИЗКА (высунулась в дверку). Знаю.

Пауза.

Нате, подавитесь!

**Швыряет на пол. Сама,
опустив ноги, садится в печали.**

НАТАША подбирает.

НАТАША (*вскрикивает*). Ай! (*Закрывает лицо руками.*)

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА Что?

НАТАША. Кукла.

ЛИЗКА. Мизинчиковая. Резиновая. А что ей сделается?

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Сварила?

НАТАША. Сварила.

ЛИЗКА. Сварила!

Молчат.

**ОЛЬГА ДАНИЛОВНА поднимает
с полу куколку, обтирает ее
передником и подает ЛИЗКЕ.**

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. На. Не балуй.

**Тут вдруг все кастрюльки и сковородки
будто с цепи сорвались – все на плите
ухает и присвистывает. Всю кухню
заволокло белым паром. Ничего не
видно стало. В тумане лишь слышен
печальный и высокий голос НАТАШИ.**

НАТАША. Я, Ольга Даниловна, есть не стану. Что-то мне,
Ольга Даниловна, нехорошо. Заболела я, наверное. Мне бы,
Ольга Даниловна, помереть.

ЛИЗКА. Помереть трудно. Очень хотеть надо.

НАТАША. Я очень хочу. Честное слово!

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Хотеть мало. Удача нужна.

НАТАША. Я вот, между прочим, сильно обижена. Не за-
служила я такого. Уж такого плохого я ничего не сдела-
ла. Что другие делают. Кто ж так наказывать велел? Разве
я виновата, что всю свою жизнь я глазами большего хотела,
чем...

**Из дыма и пара появляется
хохочущая ОЛЬГА ДАНИЛОВНА.**

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. ...чем желудок сварить мог?

ЛИЗКА весело хохочет.

А как нас с тобой, Наташка, земляца кушает? Ам! – и нет. Вот уж у кого глаз завидущий! Ты, Лизка, не слушай бабку глупую, тебе – жить. Жизнь, Лизка, – дело кровавое. Мясорубка, прости Господи! Иной раз ночью проснешься, так и слышишь: шур-шур, шур-шур. Прямо страшно делается. Да все так тихо, все невидимо, неслышимо, прямо – шито-крыто. А утром – на тебе: и листочки клейкие, и птички щебечут, котики по траве гуляют. А ночью: шур-шур, шур-шур. Не нам, Наташка, осуждать! Не нами эта молотилка заведена, не нам эту давилку и кончать.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА наливает по рюмочке красного вина.

За вечный порядок выпить хочу. Не разделяешь – не пей!

Пауза.

**НАТАША подставила рюмочку
к глазу, другой прищурила.**

НАТАША. Ты, Ольга Даниловна, как будто у меня здесь в аквариуме. Рыбина красноперая.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА поднимает рюмочку.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Вот когда мы Крым брали, я все думала: ну почему ж оно – черное? Оно красное. Ей-богу, красное!.. Хлеба нет. Заесть нечем. Лизка, девка глупая, говорила ведь – сбегай, прикупи. Обещалась. Да обманула.

ЛИЗКА. Не обманывала я. Забыла.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Обманула, обманула.

ЛИЗКА. Не обманывала я. Я все думала: вот побегу, вот побегу. А потом куколку варить стала.

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА. Хлеба нет – жаль. (*Выпивает, стонет.*) Ой! По крови пошло, по всем заулочкам. Сейчас до сердца дойдет. Бац! – и нет старушки. (*Ждет.*) Нет, приняло. Не отказалось. Потеплела я вся, помягчала.

Склоняет голову и засыпает.

Тишина.

НАТАША. Ты бы спела, Лизонька. А то скучно.

ЛИЗКА. Я бы спела. Да что?

НАТАША. Да хоть что. Какая разница?

Засыпает.

(Открывает один глаз.) Лизка! За огнем следи!.. Мы сейчас, скоро вернемся.

**Темнеет. Спутались очертания всех предметов.
Лишь огни на плите светят синим пламенем.**

ЛИЗКА *(шепчет)*. Хлеба им не купила. Забыла! Вовсе не обманывала я.

**Горят синие огни. Стонут
в томлении кастрюльки.**

Занавес.

Пьеса третья. Шишел-вышел

Действующие лица

**ПАВЛА.
ШУРА.
ВАСЬКА.**

Кухонька моя... Так сказано не потому, что она мала, а потому, что я ее люблю... Кухонька не мала. Просто заставлена черт-те чем – не протиснуться. Все в ней вверх дном. Видно, съезжать надумали: полбарахла собрали и в тюки повязали, а половину – так бросили.

За столом сидит ПАВЛА, она в беленьком платочке, повязанном вокруг головы. На другом конце – печальный ВАСЬКА пьет молоко и плюется пенками.

ПАВЛА. Говорит Москва! Московское время – двадцать три часа, то есть по-русски: одиннадцать, двенадцатый пошел. Как была молода, слыхала я песню «Катюшу», с тех пор не сплю, не ем, еще раз услышать обожаю. Отыщите ее в ваших шкапах и заведите ее для меня. Выполняем! (*Расплакалась.*) А вдруг она не придет?

ВАСЬКА. Как это – не придет?

ПАВЛА. А передумает, вот как.

ВАСЬКА. Хоть бы не пришла.

ПАВЛА. Обещалась. Жди, говорит, Павла, как одиннадцать трахать начнет – я на твоём пороге.

ВАСЬКА. Одиннадцать не трахает, из ума выжила. В двенадцать трахают. С песнею. А про одиннадцать – только словами.

ПАВЛА. А ее нет. Хоть бы не пришла.

Грохот тазов и цинковых корыт. Из-за шкафа-гардероба появляется
ШУРА. У нее авоська с яблоками, а под мышкой – картонная коробка из-под ботинок.

ШУРА (*кричит*). Яблоки! В рубель сорок!

ПАВЛА (*радостно*). А я за счетчик заплатила!

ШУРА. Вот глупая! Зачем это – за счетчик платить? Бабовство это!

ПАВЛА. А как же?

ШУРА. Хватит. Отплатились. Пускай теперь другие платят!

ПАВЛА. Соседям платить пришлось бы. Они обо мне плохо подумают.

ШУРА. К людям зубами стоять надо! Я когда в трамвае ему, народ в углу от меня хоронится – считай, поработала старушка локтями. А кто с книжкой – так прямо по очкам. Невзначай, конечно, извинившись, – не дикари же мы!

ПАВЛА (*смеясь*). Зачем ты, Шура, на себя наговариваешь? Ты в магазине что почем – уж переспросить не посме-

ешь. А сейчас говоришь, что, мол, – по очкам! Не люблю я, когда выхаживаются.

Молчание.

ШУРА (*вздыхнув*). Зато я сегодня в ванне так намылась. У соседки весь шампунь извела, ничего ей не оставила. Праздновала.

ПАВЛА. А та что?

ШУРА. А та не видала.

ПАВЛА. Увидит.

ШУРА. Увидит. Теперь мне туда возврата нет.

Пауза.

ПАВЛА. Купила яблоч?

ШУРА. В рубель сорок яблоки.

ПАВЛА. И – что?

ШУРА. И – ничего.

Пауза.

Я, видишь, в газовом платочке сегодня вышла. А они трясут мордами, по кассам своим сидючи, хохочут. Магази́нские. А я им говорю – я в Крым нынче, девушки, уезжаю!

Вот так. Озлобились. Как застучат по своим кассам, как че-
ки заобрывают – ужас как!

Пауза.

ВАСЬКА. Крым. На Черном море стоит.

ШУРА. Сегодня, говорю, и отъезжаю.

ПАВЛА. В Крым.

Пауза.

**ПАВЛА развязывает платочек на
голове, а под ним – бигуди. Она их
снимает, расправляя жидкие кудельки.
Медленно, один за другим, бросает бигуди
в мусорное ведро, стоящее посреди кухни.**

Я в горошек надену, ничего? Крепдешинное. Ты-то в чем
будешь?

ШУРА. В этом.

ПАВЛА. Ага! Я, значит, в крепдешине, а ты, значит,
в этом? Не надо, Шура, выхаживаться, очень тебя прошу, не
надо.

ШУРА. А кто выхаживается-то? В крепдешинном, глав-

но-дело.

**ПАВЛА накладывает на лицо
бумажки с вырезанными контурами
бровей. Мажет черной краской.**

ПАВЛА. Со второго этажа. Эта. Померла. Очень тяжело, говорят, помирала, не дай Бог. Так кричала, так кричала. Соседи уж жаловаться хотели.

ШУРА. Куда?

ПАВЛА. В партию.

ШУРА. Пожаловались?

ПАВЛА. Не успели. Поесть попросила, съела все, что в доме было, – крикнула, что есть мочи, и...

Пауза.

Я, знаешь, Шура, на ноги полботинки надену, ничего?

ШУРА. Нет уж! Я – туфли. Не гвоздем, конечно, но тоже ничего. Вот и будешь, как дура, в крепдешине с полботинками.

ВАСЬКА захохотал.

ПАВЛА. Ты чего?

ВАСЬКА. Ничего. Дура в полботинках!

**ШУРА бьет его по затылку. ВАСЬКИНО
веселье как рукой сняло. Хлюпает
носом. Но в голос реветь не хочет.**

ПАВЛА (*ласково*). Как, Васька, любовь твоя поживает?
ВАСЬКА. Какая еще любовь?

ПАВЛА. Лизка.

ВАСЬКА. Ничего не любовь. Она злая. Мы с ней недавно
по крыше гуляли. Знаешь, как царапалась?

**ПАВЛА яркой помадой мажет
тонкие губы. Отплевывается.**

ШУРА (*качая головой*). Ты еще маникюр наведи.

ПАВЛА. А что? Наведу.

ШУРА. Вот и наведи.

Пауза.

ПАВЛА (*рассмеялась*). А где наши яблочки?

ШУРА. В рубель сорок?

ПАВЛА. Крымские. Медовые.

ШУРА высыпает из авоськи яблоки. Они, как заведенные, скачут по столу, кружатся.

Старухи развеселились.

Мыть ли?

ШУРА. Еще чего!

ПАВЛА. А если дизентерия?

ШУРА. Откуда?

ПАВЛА. Тиф!

ШУРА (*грустно*). Тифа, милушка, давно уж нет на свете.

Вспомнила!

Молчат. По столу яблоки катают.

Ты с кольцом так и будешь?

ПАВЛА. А оно не снимается. Что ж сделаешь?

ШУРА. Пустяковое кольцо. Так себе.

ПАВЛА. Не золото. А не снимается.

ШУРА. Я тогда сережки вдену.

Молчат.

ПАВЛА. Вот у меня девятеро мужиков было, а греха не знала.

ШУРА (*хохочет*). Девятеро – и не знала?

ПАВЛА. Это не грех, я так считаю. Это, Шура, – хлопоты.

ШУРА. А я грешна, врать не стану.

ПАВЛА. Ты-то?

ШУРА. Ну! Задал мне один такого щупака, страшно сказать. Однажды. Это раз. Второй. Фамилию не помню. Веришь ли, девушка, я с ним в постель легла. Ага! Только он перед тем две бутылки выпил и ничего со мною делать не взялся. Тужился было, но не смог. Фамилию забыла.

ПАВЛА. Раздевшись оба были?

ШУРА. А как же. Все честь по чести, как надо.

ПАВЛА. И все?

ШУРА. Все. Фамилию забыла. Я ее долго помнила, а вот забыла. И больше того раза я его ни разу не видела.

ПАВЛА. Это не грех.

ШУРА. Обидеть хочешь? (*Вскрикивает.*) Ой, что же это мы при Ваське-то, Павла? (*Хохочет.*)

Вдруг ПАВЛА заломила руки над головой, да так, что хруст пошел... Растворила дверки огромного гардероба, раскрыла его черную пасть, его пыльную глотку... Легко вскочила в него и ушла в глубину.

ПАВЛА (*из гардероба*). Платье – крепдешиновое. Чулки фильдеперсовые. На шее чтоб – газовый платочек. И полботинки, конечно.

А ШУРА вынула из коробки туфельки, дунула на них – пыль столбом. Вынула из них комки желтых газет. Надела и притопнула. Газеты на столе разгладила. Губами шевелит, читает.

ШУРА. Ох! Не вправдашние времена. Не вправдашние. Фамилию забыла.

На пороге гардероба появляется ПАВЛА. На ней платье в горошек.

ПАВЛА. Как яблоки пахнут.

ШУРА. Видала туфельки? (*Притоптывает.*) Не гвоздем,

конечно.

ПАВЛА кладет голову на стол. Руками обнимает яблоки. Закрывает глаза.

ПАВЛА. Как прелостью-трухой тянет. Будто даже и неприятно. Конечно, если торопиться – так и мимо проскочить можно, не понравится. Легонько надо, слой за слоем, по шажочечку. Сладость чувствуешь? Но это – так себе, пряничная сладость, нарочная. Это летний слой, пустячный. Китайка золотая – хорошего вкуса мичуринский сорт! Осторожно надо, не торопясь, по верхам не шарахаясь. Через горчинку, через окислость. До осеннего слоя. Арапка. Царский шип. Анисы. Легонько так если расслоить. Вот. Вот запах. Белый зимний восковой.

Нащупывает одно яблоко. Берет его в ладонь.

Белая сквозина. Хорошей лежкости яблоко. (*Открывает глаза. Шепчет.*) Оно?

ШУРА (*шепчет*). Оно.

ПАВЛА (*смеясь*). То-то же.

ШУРА (*смеясь*). Кто научил?

ПАВЛА. Сейчас. Сказала я тебе. Кто надо. А ты как его узнала?

ШУРА. Раз ты не говоришь, и я не скажу.

ПАВЛА. Ты первая скажи. Тогда и я.

ШУРА. Еще поглядеть – кто первый, кто последний.

ПАВЛА (*смеясь*). Ну скажи. Скажешь, я тебе тогда один секретик скажу, довольная будешь.

ШУРА (*испуганно*). Какой такой секретик?

ПАВЛА. Такой. Такой.

ШУРА (*замерев*). Скажи.

ПАВЛА (*шепчет*). Этот-то. Твой. Фамилию забыла. Ну?

ШУРА. Ну?

ПАВЛА. Говорит, позови ее.

Тишина.

ШУРА. Ты что?!

ПАВЛА (*хихикает*). Что-что. Велел тихонько сказать – пусть, мол, подойдет. Я, мол, покурю пока, а ты – позови, уж сделай доброе дело.

ШУРА. А он... Он что делает?

ПАВЛА. Да курит.

ШУРА. А что сам не идет?

ПАВЛА. Да курит же, сказала.

ШУРА медленно встает из-за стола.

Стой! Скажи сначала. Тогда – да, тогда – иди. Как яблоко нашла?

ШУРА, пятясь задом, отходит от стола.

ШУРА. В яблочную очередь встать, как все, честь по чести. Но не просто встать, а меж двумя мужиками с одним именем. Долго прислушиваться надо, разговор завести, чтоб имена и у того и у другого вызнать. Но этого мало. Чтоб перед теми двумя мужиками – две бабы стояли. Одна старая – спереди, другая молодая – сзади.

ПАВЛА. Задняя-то – очень молода?

ШУРА. Страх.

ПАВЛА. Это хорошо.

ШУРА. Ну, понятное дело, – чтоб ветер с востока, чтоб собак вокруг – ни-ни. Килограмм купить как положено, рубль сорок. А одно – его! – даром стащить. Когда продавщица отвернется. Стащила. Оно.

**На последних словах ШУРА
упирается спиной в гардероб.**

Молчат.

Проще простого, если честно сказать.

**Стоит, прижатая спиной
к гардеробу, ртом воздух хватает.**

(Шепчет.) Побудь рядом. Боюсь я чего-то.

ПАВЛА. Еще чего. Иди, раз велено.

**ШУРА одернула платье. Вздохнула.
Кряхтя, лезет в гардероб.**

ШУРА. Не сглупить бы.

ПАВЛА. Иди.

Пошла. И скрылась за черным поворотом.

**ПАВЛА тут же припадает
к гардеробовой боковушке, слушает.**

ВАСЬКА. Чокнутые! Чего городят.

ПАВЛА (*шепчет, отмахиваясь*). Кто городит? Никто ничего. Мы уж ничего от себя не городим, слава Богу, негде больше городить-то, все загорожено.

Вздохнула. Отошла от шкафа.

Катилось яблочко вокруг огорода, кто его поднял, тот воевода. Воеводин сын.

Пауза.

ВАСЬКА. Плесни-ка мне, бабушка, молочка.

ПАВЛА (*умиленно*). Проголодался?

ВАСЬКА. Нет. Скучно мне.

ПАВЛА. А ты пережди скуку-то.

ВАСЬКА. Моя скука не пережидаемая, всегдашняя.

ПАВЛА. А вот мы нынче с Шурой – переезжаем. Празд-

нуем.

ВАСЬКА. Взяли бы, а?

ПАВЛА (*глядя его по голове*). А ты кушай. Пенки отгони в сторону да покушай.

И пока он, урча, ест, ПАВЛА гладит его по голове. А он допил свое молоко, голову на руки положил и тихо заплакал.

Чего ты?

ВАСЬКА. Да я вон вспомнил.

ПАВЛА. Что вспомнил-то?

ВАСЬКА. Что надо, то и вспомнил.

ПАВЛА. Сказал бы.

ВАСЬКА. Нет. Не скажу.

ВАСЬКА закрывает глаза, тихо
засыпает, всхлипывая во сне.

ПАВЛА тоже, понятное дело,
всплакнула. Покатала по столу
яблоки, глаза насухо вытерла.

Тут тяжело заскрипел, закачался гардероб,
и на пороге его показалась **ШУРА**.

Долгая пауза.

ПАВЛА. А я думала – тебе в радость будет. Эх ты.

ШУРА (*горько*). Вот ты всегда, Павла, разные слова говоришь. Уж в душу не глянешь, нет, сразу – слова. Давай помолчим.

ПАВЛА. Давай.

Молчат.

(Вздыхнув.) Дура ты.

ШУРА (не возражая). Почему это?

ПАВЛА. Потому.

ШУРА. Ну почему, скажи?

ПАВЛА. Потому. Потому сейчас и злобствуешь-сидишь, что время там попусту потеряла.

ШУРА молчит.

Все думала – как же это может быть его фамилия? Так?

ШУРА. Так.

ПАВЛА. Спросить – обидеть. Не спросила. Время только попусту извела. (Вздыхнув.) Я вот что думаю – хорошо ли он там папиросу загасил? Спалите мне еще дом.

ШУРА. Хорошо. Сапогом так прямо и надавил.

Пауза.

Павла, а ты в лифте каталась?

ПАВЛА. К чему это ты спросила?

ШУРА. Ни к чему. Просто так спросила. Тебе что – жалко?

ПАВЛА. А ну его. В животе неприятно делается.

ШУРА. А куда – в животе делается, – когда вверх или когда вниз?

ПАВЛА (*усмехаясь*). И туда и сюда. Это, Шура, для дела безразлично.

ШУРА. Вот и я так думаю.

ПАВЛА закрыла глаза, откинулась.

ПАВЛА. На печальных берегах мы, Шура, стояли. На мутной воде. Высоких берегов, крутых таких, – не видали. Все дожди, все дожди. Непогода в общем. Но с тех берегов, Шура, хорошо небо видать. Небо чистое, ничего не скажу, тут попрекнуть нечем.

ШУРА. Как же – чистое, когда – дожди?

ПАВЛА. Так бывает.

ШУРА. Не знаю, не видала.

ПАВЛА. Бывает.

Молчат.

Говорит Москва! Московское время – двадцать три часа пятьдесят пять минут. А по-русски, значит, двенадцать, без пяти. В эфире – Юность.

ШУРА (*испуганно*). Уже?

ПАВЛА. Уже.

ШУРА. Пора?

ПАВЛА. Шишел-вышел, вон пошел!

ШУРА. Ох.

**ПАВЛА достает из буфета два
крахмальных белоснежных полотенца.**

ПАВЛА. С лимоном стирала.

ШУРА. Зачем?

ПАВЛА. Так лучше. Вот спроси меня – что в твоей жизни было замечательно-прекрасного? Я тебе сразу отвечу: когда белье стирала. Не поколеблюсь, так и отвечу.

ШУРА. И все?

ПАВЛА. Мало?

ШУРА. Почему же? Нет.

**ПАВЛА поднимает на
ладони яблоко. Нюхает его.**

ПАВЛА (*торжественно*). Серебристый анис. Белого оттенка яблоко.

Маленьким серебряным ножом разрезает его пополам. Оно режется с каким-то неслыханным звонким хрустом. Половинку подает ШУРЕ.

Чур, не торопиться. Я ведь, Шура, знаешь, без зубов.

ШУРА. А я с зубами?

ПАВЛА. Вот и не торопись.

ШУРА. А кто торопится-то?

ПАВЛА. Ты.

ШУРА. Я?

ПАВЛА. Я вижу, так и заходила вся.

ШУРА. Не бойся. Я помедлю.

ПАВЛА. Уж помедли, Бога ради.

Молчат.

**Обе разом вздохнули. Обе разом
откусили по кусочку. Едят.**

**В кухне темнеет – ночь. Где-
то далеко громыхнули двери
лифта. Натужно взвыл он и уехал.**

ШУРА. Кисловато.

ПАВЛА. Кислит.

ШУРА. Но немного.

ПАВЛА. Нет, немного.

Пауза.

ШУРА. Хорошо пошло.

ПАВЛА. Не поперхнулось.

ШУРА. Мягкое.

ПАВЛА. Не лежалое.

Пауза.

ШУРА. Но – горчинка есть.

ПАВЛА. Пряное.

ШУРА. Но – немного.

ПАВЛА. Нет, немного.

**ПАВЛА подносит к лицу
полотенце и утирается им.**

То же делает и ШУРА.

**Линялые ШУРИНЫ кудельки с легким
шумом падают на пол. Черную жесткую
гриву отбрасывает она за спину.**

(Гортанным голосом.) Московское время – ноль часов.

ШУРА *(сильно)*. Полночь.

ПАВЛА. Идем!

ШУРА. Идем.

**Долго они смотрят на спящего
ВАСЬКУ и, как бы нехотя, лениво
выгибаясь, встают из-за стола.**

Стой!

ПАВЛА. Ну что еще?

ШУРА. Жрать охота.

ПАВЛА. Успеешь.

Идут.

ШУРА. Стой!

ПАВЛА. Что?

ШУРА присвистнула.

ШУРА. Как же я теперь бегать-то стану?

ПАВЛА. А что?

ШУРА. Так грудь! Мешает. Неудобно это.

**Вскакивают в гардероб и прикрывают
за собой скрипучие его дверки.**

Но тут же распахивает их ШУРА.

Стой!

ПАВЛА. Что?

**ШУРА. Фамилию вспомнила. Все вертелось: Петренко,
Сидоренко. Вспомнила. Михальченко!**

Стремительно исчезают в темноте.

Тишина.

**Вздрогнувший ВАСЬКА поднимает
голову, таращит глаза. Видя, что кухонька
пуста и темна, он пугается, но не плачет.
Вытягивает руки, катает по столу яблоки.**

ВАСЬКА. Свечами они пахнут, вот что.

Вот и опустела кухонька моя... Как-то особенно стало тесно в ней сейчас. Все друг к другу придвинуто, все шкафы и гардеробы друг к дружке жмутся.

Кто-то вздохнул в гардеробе. Чиркнула спичка, изнутри засветились все его щели. Прикуривает кто-то... Дунул на спичку, и щели погасли. Осталась только красная точка папиросы.

В тот короткий миг, когда вспыхнула и погасла спичка, мельком видели мы привалившихся старух, глубоко спящих в покойных позах.

...Ничего не видеть.

Занавес.

Правописание по гроту

Михаил Угаров

Пьеса в трех частях

Действующие лица

ЮВЕНАЛИЙ,
подростки.
ЛЮБОЧКА,
ЛЕОНИД, старший брат.
МАМОЧКА.

**Действие происходит в конце
прошлого века в маленьком городке.**

**...Потолки были так высоки – в два света, –
что решено было построить антресоли.**

**Еще до самого построения антресоли
эти много раз были расчерчены и в уме,
и в воздухе, и по стенам, вид сверху, вид
снизу, прямо и в разрезе... Видимо, тут
и закралась та ошибка, о которой пойдет
речь впереди. Еще в умственном начертании
закралась она и ждала своего часа. Антресоли
эти страшно скрипели, вернее, не сами
они, а лестница, что вела на них. Ничего
нельзя было с нею поделать. Как ни
старели и ни ссыхались, прилаживаясь
друг к другу, ступени, скрип оставался
неизменным, ужасным и неестественным...**

**Внизу – большой обеденный стол
с венскими стульями вокруг него. Угловая
кофейная полка, диван и белая А. Давидов**

Часть первая

Вечер. Он – наверху, она – внизу.

ЛЮБОЧКА. Ну вот, ты же умненький, смотри еще раз. Я специально для некоторых показываю. Свеча стояла во-он там, на столе. Стояла и горела. Характерно что? Характерно, что под самым глобусом. Глобус – он бумажный. Ты знал об этом?

ЮВЕНАЛИЙ. Об чем?

ЛЮБОЧКА. Об том, что он бумажный на самом деле?

ЮВЕНАЛИЙ. Нет. Он не бумажный. Он – папье-маше, факт.

ЛЮБОЧКА. Глобус – бумажный. Свеча – горела. Бабулюшка это увидела. И решила подняться. Чтоб загасить свечу.

Подошла к лестнице.

ЮВЕНАЛИЙ (*отскочив от перил, выкрикивает*). Правда, что у тебя растут титьки? Леонид сказал, что скоро ты станешь теткой!..

ЛЮБОЧКА (*задохнулась*). Скотина! Хам! Сейчас я буду тебя пытаться!

ЮВЕНАЛИЙ. Я спихну тебя ногой с самого верху!

ЛЮБОЧКА (*решиительно*). А это мы еще посмотрим!

ЮВЕНАЛИЙ (*кричит*). А что смотреть? Не надо, увольте.

Леонид смотрел, а я ему верю...

ЛЮБОЧКА (*замерла*). Что?

ЮВЕНАЛИЙ. Что слышала!

ЛЮБОЧКА. Ну-ка повтори!

ЮВЕНАЛИЙ. Откинул одеяло, задрал рубашку... «Рас-
тут, черт их дери!» – говорит.

ЛЮБОЧКА хватается ртом воздух.

«Давай, говорит, голубчик, каждой ночью станем прове-
рять – на сколько еще выросли...»

ЛЮБОЧКА. Скоты! Я все сегодня же расскажу мамочке!
Если ты думаешь... Все – все! Я и про Леонида расскажу.
Что он в ванной комнате делает!

ЮВЕНАЛИЙ. А что он делает в ванной комнате?

ЛЮБОЧКА. Я думала, что я умру, когда увидела.

ЮВЕНАЛИЙ. И не умерла.

ЛЮБОЧКА. Неправда! Я раз всего видела, теперь – ни за
что, ни за что! (*И швырнула в него тапочкой.*)

Тапочка попала как раз в глобус. Глобус легко упал на пол и, гремя подставкой, медленно скатился с лестницы к ЛЮБОЧКИНЫМ ногам.

Пауза.

(Взяла себя в руки, тягучим и нежным голосом.) Что это мы – о пустяках? Так вот... Дай, думает она, загашу я эту чертову свечу! А то, не дай Бог, спалят дом... И стала она подыматься вверх...

ЮВЕНАЛИЙ напряжен, молчит.

Вот так и подымалась, по ступенечке, приставным шажочечком...

ЮВЕНАЛИЙ, крепко ухватив перила, стал задыхаться.

ЮВЕНАЛИЙ. А мы теперь... каждую ночь смотреть станем... Я попрошу Леонида... он и на письку посмотрит!

ЛЮБОЧКА *(не реагируя, голосом – колокольчиком)*. Ну вот. Поднялась она примерно во-от досюда. Да, вот до этого

самого места. Видишь, эта ступенечка? Это – она.

ЮВЕНАЛИЙ (*его затрясло*). А когда пьяный офицер на поленицу писал, ты пошла смотреть и рассердилась, что он руку так держал, что не видно...

ЛЮБОЧКА. Вот здесь она и оступилась! На этом самом месте... (*Ласково.*) Вот, вот это то самое местечко, это всякий знает!..

ЮВЕНАЛИЙ. Заткнись!

ЛЮБОЧКА. И она упала. То есть она села сначала. Но ты же знаешь – ступеньки узкие. Просто ступенечки, приступочки какие-то... Она села, она завалилась и поехала, поехала прямо спиною по острым ступенечкам. Головою вниз поехала. Да так, что куски ее спины остались на гребешках ступенек! Лоскуточки платья и прямо целые кусища кожи!

ЮВЕНАЛИЙ (*кричит*). Божечка, заткни ей рот! Чтоб у тебя руки и ноги отпали!

ЛЮБОЧКА. В гробу она лежала вся синяя. Нет, вру! Серая! Серая, как серый студень. И распухла вся, как слониха, просто вспучилась. И в животе у ней уже кишели червяки. И кошки долго еще лизали ступеньки, где ее куски застряли, – выискивали...

ЮВЕНАЛИЙ сполз на пол. Круглые очки его запотели, и рот сделался буквой «о».

Тишина.

(*Елейно.*) Вот так умерла наша бабулечка, царство ей небесное! Мамочка знаешь как плакала, мы все плакали, хоть я и маленькою была, а ревела ужас как... Пусть земля ей будет пухом! Она теперь Богородицу каждый день видаёт, когда и словечком перемолвятся. Вот счастье-то какое ей за все мучения выпало...

ЮВЕНАЛИЙ хрипит.

Ну что, размазня? Получил полную порцию? Мамочки нет, кто тебе капелек даст? Тю-тю... Съел гуся?

ЮВЕНАЛИЙ икает.

Фу, фу! Перестань, как это неблагородно!

ЮВЕНАЛИЙ (*шепчет*). Любочка, милая! А я ведь напру-дил...

Пауза.

ЛЮБОЧКА взлетела к нему
наверх. Села на корточки.

ЛЮБОЧКА (*растерянно*). Ну что же ты такой нервный, ужас просто... Целая лужа! Зачем?

ЮВЕНАЛИЙ (*икая*). Не... Не знаю я...

Теперь ЛЮБОЧКА больше не
злодейка, а заботливая няня.

ЛЮБОЧКА (*воркует*). Ножки все замерзли... Конечно, сьяка такая холодная. Брр... Снимай штаны!

Судорожно похрюкивая, ЮВЕНАЛИЙ
стянул с себя короткие штанишки.
ЛЮБОЧКА порылась в шкафчике
и достала белую ночную рубашку.

А вот мы сейчас рубаху теплую наденем! Теплая, байковая!..

ЮВЕНАЛИЙ. Отвернись!

ЛЮБОЧКА (*хихикает*). Я все видела! Я все видела!

ЮВЕНАЛИЙ (*плача, залезает в рубашку*). Из-за тебя все!.. Ты... Ты... Проститутка!

**И вдруг замер. Напряженно
стал смотреть в пол.**

ЛЮБОЧКА (*тоже посмотрела, но ничего не увидела*).
Что? Опять нюнить начнешь, да?

**Он ловко нагнулся и что-то быстро подхватил
с полу. Сжав кулак, счастливо смеется.**

(*Заинтересованно.*) Что? Покажи!

ЮВЕНАЛИЙ (*счастлив*). Не-а...

ЛЮБОЧКА. Ну покажи!

ЮВЕНАЛИЙ. Смотри! (*Осторожно разжимает кулак.*)

ЛЮБОЧКА оглушительно визжит. Бежит по лестнице вниз. Упала, села и на спине съехала вниз головой – до полу. Лежит неподвижно.

Тишина.

Любочка!.. Это – таракан. Черный...

Тишина.

(Шепчет.) Божечка, пожалей ее... Зачем?.. (Робко ступая босыми ногами по скрипучим ступенькам, спустился вниз. Замер над телом Любочки, бормочет.) Отряд прямокрылых, подотряд бегающих – Курзария... (Помолчал.) ...Или прусак, что ли?.. Черт, я же не хотел...

ЛЮБОЧКА (*глухо*). А если б я убилась? Ты думал об этом?

ЮВЕНАЛИЙ. Нет.

ЛЮБОЧКА. А это – каторга.

ЮВЕНАЛИЙ. Почему?

ЛЮБОЧКА. Убийство. Лишение меня жизни. Это – каторга.

ЮВЕНАЛИЙ. Что я сделал? Я поймал замечательного

прусака... А ты взяла и сверзилась...

ЛЮБОЧКА (*села*). Где прусак?

ЮВЕНАЛИЙ (*грустно*). Он соскочил с меня. Не нужно было так орать.

ЛЮБОЧКА. Зато я в обмороке была, вот что!

ЮВЕНАЛИЙ. По-правдашнему?

ЛЮБОЧКА. Я за это время в раю успела побывать.

ЮВЕНАЛИЙ. Ты, Любочка, очень сильно головою удари-
лась, вот что!

ЛЮБОЧКА. Бабулюшку повидала... Оладушек поела...

ЮВЕНАЛИЙ (*после паузы*). Как все это глупо, между
прочим...

ЛЮБОЧКА. Двумя словами с нею перемолвилась...

ЮВЕНАЛИЙ (*устало*). Ты, Любочка, – подлая...

ЛЮБОЧКА. Шепнула она мне тут... Свеча-то, говорит,
не забыта была зажженной... Специально оставлена, вот де-
ла-то каковы... Спе-ци-аль-но!

Пауза.

ЮВЕНАЛИЙ (*скучающим голосом*). О, Господи!.. Так что
там о свече? Черт ее...

ЛЮБОЧКА (*шепчет*). Понимаешь, какое дело... Перед
той самой ужасной ночью... Свеча эта семь ночей зажжен-
ною стояла... Понимаешь?

ЮВЕНАЛИЙ. Нет. (*Вздрыгнул*.) Глупо!

ЛЮБОЧКА. Умно! Если б ты еще знал, как это умно! Семь ночей подряд... Ну, уж на седьмую ночь она и не сдержала себя. Полезла ту чертову свечку загашивать.

ЮВЕНАЛИЙ (*тревожно*). Хватит, Любочка, надоело это, хватит. (*Громко икнув.*) Ты думаешь, их кто-то нарочно зажигал?

Пауза.

Кто?

Пауза.

Леонид?

Пауза.

(*Нервно смеясь.*) А потом ступеньки свиным салом обмазывал, да?..

Пауза.

Ну... Ты говорила, кошки еще лизали, выискивали... Это был жир?

ЛЮБОЧКА (*коротко*). Это было – убийство!

Тишина.

ЮВЕНАЛИЙ. Я сейчас тебя, Любочка, ударю – вот чем все дело закончится! (*Помолчав.*) Я совершенно замерз. (*Через паузу.*) Ты думаешь...

ЛЮБОЧКА. Да.

ЮВЕНАЛИЙ. Что тогда...

ЛЮБОЧКА. Да.

ЮВЕНАЛИЙ. Кто-то...

ЛЮБОЧКА. Да. Просто высунулся из-за шкафчика и сказал – «Гав». И – готово! И – поехала.

ЮВЕНАЛИЙ. Кто?

Пауза.

ЛЮБОЧКА. Я не хочу больше об этом говорить.

ЮВЕНАЛИЙ. Видишь ли, так-то получается и совсем по-глупому... Ты завела этот ненужный разговор, а теперь... Это частный случай. Кто-то крикнул, кто-то испугался, упал...

ЛЮБОЧКА. Что?! Не хочешь же ты, чтобы я сейчас померла со смеху?!

ЮВЕНАЛИЙ. Зачем ты так? Шутка! Нечаянная шутка!

ЛЮБОЧКА. За нечаянно бьют отчаянно! (*Пауза.*) По-

стой, а почему ты так сказал? Что ты сказал, что? Повтори!

ЮВЕНАЛИЙ (*кричит*). Я сказал: нечаянно, нечаянная
шутка. И ничего больше.

ЛЮБОЧКА. Ты сказал.

ЮВЕНАЛИЙ. Нет.

ЛЮБОЧКА. Я клянусь, что сказал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.